

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ "CHRONOS"
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
СБОРНИК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ**

**XII МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК»
(03 февраля 2017г.)**

г. Москва- 2017

© Научный журнал "Chronos"

УДК 320
ББК 60

Сборник публикаций научного журнала "Chronos" по материалам XII международной научно-практической конференции: «Актуальные вопросы общественных наук» г. Москва: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). – М: Научный журнал "Chronos", 2017. – 72с.

Тираж – 300 экз.

УДК 320
ББК 60

Издательство не несет ответственности за материалы, опубликованные в сборнике. Все материалы поданы в авторской редакции и отображают персональную позицию участника конференции.

Контактная информация организационного комитета конференции:

Научный журнал «Chronos»

Электронная почта: society@chronos-journal.ru

Официальный сайт: chronos-journal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Филиппова Ольга Николаевна А.Т.БОЛОТОВ-УЧЕНЫЙ И ХУДОЖНИК (1738-1833 гг.).	4
--	---

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Фурманова София Львовна,Компаниец Иван Михайлович, Теплякова Светлана Михайловна ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ...	10
---	----

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Николай(Субботин)Василий Александрович, Сулейманов Тимур Фуатович, Кондрашов Дмитрий Юрьевич ПРАВОСЛАВИЕ И АРХЕТИПЫ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА.(Ч.І.)	16
Николай(Субботин)Василий Александрович, Сулейманов Тимур Фуатович, Кондрашов Дмитрий Юрьевич ПРАВОСЛАВИЕ И АРХЕТИПЫ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА. (Ч.ІІ.)	32

ФИЛОЛОГИЯ

Roman Anisimov OPTIMIZATION OF LEARNING LEGAL TERMS	48
Буриханова Нигина Башировна К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО КАТАЛОГА МОДЫ)	53
Исенбаева Галина Ивановна МОДЕЛЬ РЕАЛИЗАЦИИ МЕТОДОЛОГИИ ВОСХОЖДЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА	57

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Кравченко Владимир Иосифович «ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА.	65
--	----

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

А.Т.БОЛОТОВ-УЧЕНЫЙ И ХУДОЖНИК (1738-1833 гг.).

Филиппова Ольга Николаевна

*Преподаватель первой категории ГБУДО
г. Москвы «Детской художественной школы» №9.*

АННОТАЦИЯ

Замечательный русский ученый агроном, лесовод, ботаник, писатель А.Т.Болотов в рисовании совершенствовался с годами. Оно занимало огромное место в его жизни. Работу над статьей, книгой, переводом он нередко сочетал с занятиями живописью. Живопись давала разрядку, отдых, помогала украшать свой быт. Но главное, А.Т.Болотов-художник был незаменимым помощником А.Т.Болотова – ученого.

ABSTRACT

The Great Russian scientist – agronomist, forester, botanist, writer A.T.Bolotov in drawing improved with age. It occupied a huge place in his life. Work on article, book, translation, it is often combined with painting. The painting was given to the discharging, rest, help to decorate your life. But most importantly, A.T.Bolotov – the artist was an irreplaceable assistant of A.T.Bolotov – the scientist.

Ключевые слова: Русский ученый агроном, лесовод, ботаник, писатель, художник, графика, живопись.

Keywords: The Russian scientist-agronomist, forester, botanist, writer, artist, graphics, painting.

Биография человека, создаваемая его потомками, может значительно отличаться от его реальной жизни и, таким образом, вести вполне самостоятельное существование. Биографии отдельных деятелей культуры не только становятся предметом изучения, но и используются в идеологических целях, и в этом случае часто содержат искажения, перестановку акцентов и даже откровенную фальсификацию. Процесс идеологической корректировки биографии может приводить к мифологизации персонажа, причем иногда возникает сразу несколько подобных мифов, часто прямо противоположно трактующих личность и деятельность героя. Особенно часто подобная ситуация складывается с теми персонажами, деятельность которых была достаточно разнообразна и разнонаправленна. Наиболее известный пример в русской культуре – биография М.В.Ломоносова, выступающего, как «первый русский ученый» и «первый русский поэт». Но биография М.В.Ломоносова – не единственный пример подобного рода [1, 103].

Если обратиться к работам советского периода (примерно 1940-1980-е годы), посвященным жизни и деятельности европейски образованного и порусски самобытного представителя русской культуры второй половины

XVIII века Андрея Тимофеевича Болотова, то даже простое перечисление их названий не может не вызвать определенного интереса. А.Т.Болотов выступал в них, как писатель, литературный критик, издатель журналов, библиограф, художник, первый русский агроном, основатель русского земледелия, создатель первого русского проекта пейзажного парка и первого русского детского театра и др. [1, 103].

Талант человеку дается от Бога, от природы, дается многим, а вот, как он разовьется, найдет ли свое воплощение – это зависит от многих факторов. Начинается лепка личности в раннем детстве, недаром говорится – все мы родом из детства. Детство не баловало А.Т.Болотова. Он родился в Тульской губернии, в родовом сельце Дворянинове Алексинского уезда Тульской губернии 7 октября 1738 года. Отец его, мелкопоместный дворянин Тимофей Петрович, командовал Архангелогородским полком, жил на жалованье, так как доходов от своих деревень почти не имел. Мать А.Т.Болотова, Мавра Степановна, урожденная Бакеева, была дочерью майора Ингерманландского полка, прославившегося в морских сражениях и награжденного золотой медалью самим Петром Великим. Первые годы своей жизни Андрей провел с родителями в Лифляндии и Финляндии: там служил отец. У Андрея были две сестры, Прасковья и Марфа, обе старше его.

А.Т.Болотов, в соответствии с практикой того времени, рано зачисляется на военную службу. Девяти лет он уже становится каптенармусом. Но служба остается для него одним названием, на самом деле он продолжает жить в семье и учиться. На двенадцатом году А.Т.Болотов лишается своего отца. Семья остается почти без средств к существованию. Мать вместе с сыном возвращается в родовое село Дворяниново, где живет сообразно своим весьма скромным средствам. А.Т.Болотову не у кого учиться в деревне. К счастью, в округе есть немногие культурные люди, любители книг. Узнав об охоте маленького А.Т.Болотова к чтению, они разрешают ему пользоваться их книгами. Мальчик самоучкой изучает фортификацию, строит в саду земляные укрепления по всем правилам военного искусства, предпочитая такую игру пустым забавам своих сверстников. Еще через два года умирает его мать. Шестнадцати лет от роду А.Т.Болотов уезжает на военную службу в чине сержанта. Вскоре его производят в первый офицерский чин, он быстро продвигается по службе.

Начинается Семилетняя война, русские войска, тесня неприятеля, вступают в Восточную Пруссию. А.Т.Болотов принимает участие в ряде победоносных для русских сражений. Его, как способного и знающего офицера, переводят из действующей армии в город Кёнигсберг (или, по-славянски Кралевец), занятый русскими войсками, и оставляют в качестве переводчика в канцелярии русского военного губернатора Восточной Пруссии генерала Н.А.Корфа. Все свободное время А.Т.Болотов посвящал чтению, переводам, изучению естественных наук. В Кёнигсберге он познакомился с немецкими учеными, посещал лекции в университете.

Одаренный исключительной работоспособностью, А.Т.Болотов не только находил время путем чтения накапливать необходимые ему, как будущему ученому, знания, но и продолжать занятия искусством, к которому он всегда имел тяготение. Наряду с художественной литературой он любил живопись, которой увлекался с детства. Среди первых учителей мальчика были крепостной дядька Артамон и писарь Красиков, обучившие его грамоте. Оба они немного рисовали и, желая, очевидно, скрасить однообразие занятий, иногда развлекали своего ученика, изображая что-нибудь на бумаге: фигуры людей, церковь с колокольной; уроженец Кронштадта Красиков мог довольно живо набросать пером и очертания корабля. Это произвело на Андрея впечатление, родив все крепнущую любовь к рисованию.

Еще один учитель, немец Чаах, научил его работать кистью и «безделицы ими мазать красками», как вспоминал А.Т.Болотов. Вскоре по настоятельной просьбе Андрея отец нанимает для него «рисовального мастера» [3, 94]. Уроки эти Андрей брал недолго, но успел научиться неплохо владеть карандашом. Теперь мальчик при первой возможности брался за кисть и краски: разрисовал стены дома в Дворянинове (имении родителей к северу от Тулы) фигурами солдат, офицеров, генералов; подарил матери изображенного им Бову-Королевича; раскрашивал рисунки в книгах, срисовывал понравившиеся гравюры. Рисовал он со страстью: однажды за короткое время сделал несколько сотен рисунков.

Он не расставался с кистями и красками даже на службе, и во всякую свободную минуту занимался рисованием. О его способностях знали не только товарищи по службе, но и начальство. Поэтому, когда в Кёнигсбергской области, после присоединения ее к России, надо было чеканить новую государственную монету, А.Т.Болотову поручили сделать рисунок для этих монет. Выпущенные по рисункам А.Т.Болотова деньги получили повсеместное хождение на занятой нашими войсками территории, а образцы этих монет, отправленные на просмотр и утверждение императрице Елизавете Петровне, сохранились до нашего времени и находятся в Московском государственном историческом музее.

В 1751 году Н.А.Корф был переведен в Петербург на должность генерал-полицеймейстера города, и А.Т.Болотов в качестве его флигель-адъютанта поселился в столице. Но, тяготясь военной службой, он мечтал о занятиях наукой, сельским хозяйством, поэтому, как только появился указ «О вольности дворянской», он подал в отставку и с 1762 года поселился в своем имении [2, 4]. Здесь он всецело посвятил себя сельскохозяйственной, литературной и просветительской деятельности.

В 1774 году Екатерина II, оценив познания А.Т.Болотова в сельском хозяйстве, поручила ему управление своими имениями в Киясовской волости (ныне Московская обл.), с 1776 года – в Богородицкой волости (ныне Тульская обл.). До 1776 года А.Т.Болотов жил в Киясовке, а затем вместе с семьей перебрался в Богородицк. Именно здесь, в Богородицке, проявился

во всем блеске его многогранный талант. Не довольствуясь точным исполнением своих обязанностей, А.Т.Болотов не только образцово поставил хозяйство царских имений, но и принял участие в строительстве дворца и соборной церкви, проявив незаурядный дар живописца; разработал проект будущего расположения города, прекрасно сочетая новые правила градостроения с местным пейзажем.

Но, главным результатом деятельности А.Т.Болотова в этот период оказался созданный им замечательный парк – один из прекраснейших парков России. В нем воплотился выдающийся дар А.Т.Болотова – ландшафтного архитектора, стремящегося придать садово-парковому искусству в России национальные черты [4, 7]. А.Т.Болотов не только насадил и украсил парк, но и зарисовал его вместе со своим сыном Павлом, создав целую галерею акварелей.

А.Т.Болотов в рисовании совершенствовался с годами. Оно занимало огромное место в его жизни. Работу над статьей, книгой, переводом он нередко сочетал с занятиями живописью. «А не гуляли у меня и кисти с красками», – отмечает он в своих Записках, перечисляя многочисленные дела, которыми было заполнено лето 1776 года [3, 94]. Весной 1784 года А.Т.Болотов много писал и переводил для своего журнала «Экономический магазин», стараясь заготовить побольше материала впрок. «Между тем, – пишет он, – не позабыты были также и краски, а особливо сухие: не одну, а несколько картин нарисовал я ими» [3, 94].

Живопись давала разрядку, отдых, помогала украшать свой быт. А.Т.Болотов был небогат и жилище его – и в Дворянинове, и в Киясовке и Богородицке, где он жил, будучи управляющим волостями императрицы, – всегда отличала скромность. Он украшал его своими силами: размалевывал обои, печи, рисовал картины, раскрашивал приобретенные эстампы, увешивал ими стены гостиной и своего кабинета.

Некоторые свои картины А.Т.Болотов называет. Это пейзажи, срисованные с природы цветы, изображение охваченного огнем воздушного шара, неудачный запуск которого он однажды наблюдал в Москве, портреты; среди последних особенно удался портрет мальчика-слуги Максима, А.Т.Болотов затем превратил его в «обрезную статую» – получилось так натурально, что, когда «статую» поставили в прихожей, гости в первую минуту принимали ее за живого человека. Позднее А.Т.Болотов сделал деревянную фигуру горничной, тоже служившую для розыгрыша знакомых. Намалеванные на досках статуи и вазы использовались им и для украшения парков. Подобные шутки были в духе века и в натуре самого А.Т.Болотова. Писал А.Т.Болотов и иконы, принимал активное участие в отделке церкви в Богородицке, для которой выполнил несколько икон.

Когда подросли дети А.Т.Болотова, они стали рисовать вместе с отцом. У старшей дочери Елизаветы и особенно у сына Павла обнаружились явные

способности к живописи, которые А.Т.Болотов старательно развивал. Андрей Тимофеевич учил живописи и своих племянников, и постоянно живших у него в доме воспитанников.

Но главное, А.Т.Болотов-художник был незаменимым помощником А.Т.Болотова – ученого и писателя. Отправляя в «Труды Вольного Экономического Общества», основанного в 1765 году, свою первую статью «Описание свойства и доброты земель Каширского уезда», Андрей Тимофеевич приложил к ней рисунок, изображающий формы сохи, бороны, кос, граблей, применявшихся крестьянами в его краях. Редакции рисунок понравился, был выгравирован и помещен перед началом статьи, вышедшей в 1766 году во II части «Трудов» [3, 98].

А.Т.Болотов проиллюстрировал немало своих работ. Рисунки его, всегда прекрасно выполненные, четкие, ясные, хорошо дополняли текст и бывали особенно кстати, когда он описывал какое-либо из придуманных им новшеств, например, астролябию оригинальной конструкции (статью о ней с рисунками находим в VII части журнала «Экономический магазин» за 1781 год). Иллюстрации к статье, в которой А.Т.Болотов ратовал за развитие хмелеводства в России (XXVII часть «Трудов Вольного Экономического Общества» за 1774 год), весьма способствовали успеху его призыва. Ими, пишет А.Т.Болотов, «я наиболее всех и взбудоражил, и заставил обратить внимание свое к сей части сельского домоводства» [3, 98].

В начале 1790-х годов А.Т.Болотов приступил к капитальному труду своей жизни, который называется «Изображение и описание разных пород яблок и групп, родящихся в дворяниновских, а отчасти и других садах» [3, 98]. Для огромной восьмитомной работы он зарисовал 600 плодов различных сортов. Без его навыков художника мы не имели бы сегодня этих сотен чрезвычайно точно воспроизведенных яблок и груш, представляющих для помологии ценнейший материал. Несколькими годами ранее, работая над первыми частями своих Записок, А.Т.Болотов стал делать заставки к рукописи – перед началом писем, в форме которых изложены его воспоминания. Позднее иллюстрированием рукописи занялся и Павел.

В 1796 году после смерти Екатерины II А.Т.Болотов не пожелал остаться богородицким управителем и вернулся в родное Дворяниново, где прожил до самой смерти, углубившись в сельскохозяйственные и литературные занятия. Он продолжал писать статьи по агрономии, прудоводству, ботанике, минералогии, физике, медицине и пр. В течение 52 лет А.Т.Болотов вел регулярные метеорологические наблюдения, делал ежедневные записи, переданные после смерти А.Т.Болотова его сыном в Академию наук. До последнего дня своей жизни А.Т.Болотов не прекращал работать, хотя в старости потерял зрение и почти лишился слуха. А.Т.Болотов умер за три дня до своего 95-летия и был похоронен на кладбище села Русятино, в двух километрах от Дворянинова.

Таким образом, на протяжении многих лет замечательный русский ученый агроном, лесовод, ботаник, писатель А.Т.Болотов плодотворно трудился в области графики и живописи. Его работы представляют немалый интерес, отмечены талантом, вкусом и, как все, что он ни делал, – оригинальностью.

Список литературы:

1. Веселова А.Ю. А.Т.Болотов – «Наше все»?... (К вопросу об интерпретации жизни и творчества А.Т.Болотова в работах 40-80-х гг. XX в.) // Культура: соблазны понимания. Материалы научно-теоретического семинара (24-27 марта 1999 года). Часть II. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета, 1999. – С.103-114.
2. Глаголева О.Е. А.Т.Болотов – ученый, писатель, энциклопедист // Вопросы истории. – 1988. – №11. – С.3-16.
3. Любченко О.Н. Рисунки ученого // Памятники Отечества. – 1984. – №1(9). – С.93-103.
4. Любченко О.Н. Есть в Богородицке парк (о памятнике садово-паркового искусства, созданного А.Т.Болотовым). – Тула: Приокское книжное изд-во, 1984. – 111с.

References:

1. Veselova A.Y. A.T.Bolotov – "Our all"?... (The question of interpretation of the life and works of A.T.Bolotov in the works 1940-1980-ies of the XX-th century) // Culture: the soblazny of understanding. The Materials of the scientific-theoretical seminar (March 24-27, 1999). Part II. – Petrozavodsk: The publishing house of Petrozavodsk University, 1999. – P.103-114.
2. Glagoleva O.E. A.T.Bolotov, a scientist, writer, encyclopaedist // The Questions of history. – 1988. – No.11. – P.3-16.
3. Lyubchenko O.N. Drawings of a scientist // The Monuments of the Fatherland. – 1984. – №1(9). – P.93-103.
4. Lyubchenko O.N. There are in Bogoroditsk Park (about of monument of landscape art created by A.T.Bolotov). Tula: Priokskskoe knizhnoe izdatelstvo, 1984. – 111с.

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Фурманова София Львовна,

канд. филол. наук,

Московский городской педагогический университет

Россия, г. Москва

Компаниец Иван Михайлович,

канд. пед. наук,

Средняя общеобразовательная школа

с углублённым изучением английского языка № 1380

Россия, г. Москва

Теплякова Светлана Михайловна

Средняя общеобразовательная школа

с углублённым изучением английского языка № 1380

Россия, г. Москва

При поддержке Российского фонда фундаментальных исследований

LEXICO-SEMANTIC FIELD «POLITICAL CORRECTNESS» IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE. STATEMENT OF THE PROBLEM

Furmanova Sofiya Lvovna,

Ph.D., Moscow City University.

Moscow, Russia

Kompaniets Iwan Michailowich,

Ph.D., Moscow school

with advanced study of English № 1380

Moscow, Russia

Tepl yakova Swetlana Michailowna,

Moscow school

with advanced study of English № 1380

Moscow, Russia

Supported by the Russian Foundation for basic research

АННОТАЦИЯ

В статье раскрывается понятие лексико-семантическое поле, даются его основные характеристики. Также в материале статьи описывается эксперимент, в ходе которого носители языка должны были дать вербальные реакции на понятия, связанные с понятием «политкорректность».

ABSTRACTS

The article reveals the concept of the lexico-semantic field, given his main characteristics. The article describes the experiment, in the course of which native speakers had to give a verbal reaction to the concepts associated with the concept «political correctness».

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, лексико-семантическая группа, политическая корректность, толерантность, синонимия

Keywords: lexico-semantic field, lexico-semantic group, political correctness, tolerance, synonymy

Обращение к проблеме политической корректности объясняется актуальностью этого вопроса как в мировом масштабе, так и в ситуации любого полиэтнического и многоконфессионального государства. Политкорректность есть не только языковой феномен, но часто пересечение политических взглядов и мировоззрений, порой определяющий стиль жизни.

Неоднозначность трактовки термина приводит порой к непониманию того, как, когда и при каких обстоятельствах мы действительно говорим о политической корректности, когда речь идет об эвфемии, а когда замена в словоупотреблении есть дань моде или попытка манипуляции.

Диапазон трактовок политкорректности велик. Она может пониматься как стремление исключить какое бы то ни было проявление дискриминации людей по признаку пола, этнической принадлежности, физических способностей или сексуальной ориентации или как разговорный термин, использующийся для определения либерального отношения к проблемам образования и общественного положения и всего с этим связанного. В лингвострановедческом словаре «Американа» термин «politically correct» объясняется как «общественно приемлемый», т.е. такой, который относится к формулировкам, отобранным с целью не оскорбить и не задеть представителей какой-либо этнической, социальной и т.п. группы. Например, “общественно приемлемыми” считаются слова African-American, financially challenged, hearing impaired, senior в отличие от неприемлемых Negro (black), poor, deaf, old» [1].

В научном дискурсе границы политкорректности достаточно широки: это и идеология, в основе которой лежат отрицание дискриминации, и пропаганда терпимости к социально значимым различиям, иногда это использование особого языка, который исключает дискриминацию некоторых социальных групп. Также стоит отметить, что политкорректность реализуется не только в языке, но и в социально значимых действиях. Профессор С.Г. Тер-Минасова описывает политическую корректность языка как стремление найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п. [9, с.215].

Таким образом, речь идёт не только о политической корректности языка, но совершенно очевидна неразрывная связь этого явления с культурой общества, на данном языке говорящего [10].

Для понимания того, как политкорректность трактуется самими носителями языка, как, в каких ситуациях применяется, был проведен опрос среди московских студентов 1-4 курсов Московского городского педагогического университета. В ходе опроса, в котором приняли участие 400 человек, необходимо было дать определение следующим понятиям «толерантность», «шовинизм», «расизм», «гомофобия». Также участники опроса должны были определить границы нетолерантного поведения, указав, какую лексику нельзя употреблять, а какая предпочтительна, если мы говорим о толерантном стиле коммуникации. Полученные данные дают ценный материал для анализа, что позволяет применить к ним различные методы исследования.

Поскольку участники эксперимента были поставлены в условия, предполагающие категоризацию действительности, некое ее структурирование и описание картины мира, нам представляется, что анализ лексико-семантического поля «политкорректность» является одним из оптимальных способов представления результатов исследования.

Лексико-семантическое поле является сложной системой, обладающей иерархией, отсутствием четких границ, незамкнутостью, взаимодействием с другими полями, наличием лакун и асимметричностью построения [5, с. 4; 11, с. 159].

Представление лексики в виде объединения многих частных систем слов мы можем увидеть уже в трудах отечественных лингвистов на рубеже XIX — XX вв. Так М.М. Покровский отмечал в 1896 году, что «слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются (в нашей душе), независимо от нашего сознания, в различные группы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению. Понятно уже а priori, что такие слова имеют сходные или параллельные семасиологические изменения и в своей истории влияют одно на другое, понятно также, что эти слова употребляются в сходных синтаксических сочетаниях <...> и могут иметь свои собственные формальные особенности» [8, с. 82-83].

В современной лингвистической литературе мы не видим однозначного прочтения или трактовки понятия ЛСП. Так семантическим полем называют множество слов, объединенных общностью содержания и имеющих общую нетривиальную часть в толковании [6, с. 130]. Также семантическими полями принято считать и семантические классы слов какой-либо одной части речи, и семантически соотнесенные классы слов разных частей речи, и лексико-грамматические поля, и парадигмы синтаксических конструкций, различные типы семантико-синтаксических синтагм [4, с. 126]. Под полем в лингвистике понимают совокупность слов различных частей речи, объединенных общностью выражения одного понятия [5, с. 4]. Также

поле трактуется как множество слов, покрывающих определенную область человеческого опыта [3, с. 3].

Мы под лексико-семантическим полем понимаем совокупность лексических единиц, объединенных общностью содержания и общностью формальных показателей, которые отражают понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений.

Изучаемое поле автономно, интуитивно понятно носителю языка и обладает для него психологической реальностью. В лексико-семантические поля могут включаться синонимические, антонимические объединения слов, лексико-семантические группы, называемые лексико-семантическими парадигмами.

Примером минимального лексико-семантического поля парадигматического типа может служить некоторая синонимическая группа. Так в лексико-семантическую группу «толерантность» мы можем включить такие элементы, как *терпимость, уважение, сдержанность, принятие, понимание, доброта, мир* (выдержка из анкеты одного из участников опроса: «*Сдержанность – важнейшая часть толерантности, сдержанность порождает толерантность и осмысление происходящего, доброта – синоним толерантности, как только мы научимся быть добрее, любить мир, а не ненавидеть его, мы достигнем пика процветания*»).

Все указанные элементы объединены интегральным семантическим признаком, но их значение не тождественно. Единицы этого лексико-семантического поля различаются дифференциальными признаками, кроме того, они различаются стилистическими, узуальными, деривационными и коннотативными компонентами значения. Например, элемент *компромисс в опроснике респондента, не считающего себя толерантным человеком, придает данной семантической группе дополнительную характеристику*. На наш взгляд, мы не можем говорить об автономности лексико-семантического поля, поскольку в пределах всей семантической системы поля взаимодействуют между собой, и между ними нет четкой границы. Лексико-семантические поля пересекаются, либо одно поле может полностью входить в другое. Значение каждого слова наиболее полно определяется только в том случае, если известны значения других слов из того же поля, то есть семантическое поле характеризуется взаимозависимостью и взаимоопределяемостью лексических единиц [7].

Например, в синонимическом ряду, описывающим различные виды дискриминации, такие как шовинизм, эйджизм, гомофобию, мы видим следующие элементы: *запрет, дискриминация, унижение, эксплуатация, ненависть, угнетение, предвзятое отношение, оскорбление и т.д.* При этом все слова этого ряда могут быть определены через общий гипероним *дискриминация*.

Проанализированный материал подтверждает тот тезис, что лексико-семантическое поле воспринимается носителями языка как некоторое пси-

хологически реальное объединение элементов. Предложенные в ходе эксперимента стимульные слова, трактуются испытуемыми в соответствии с личным опытом. При этом трактовка того или иного элемента соотносится исключительно с личным опытом носителя языка (выдержки из анкет одного из участников опроса: *«Эйджизм – дискриминация по признаку возраста. Часто слышу фразу: да ты еще маленький!, хотя в нашу интернет-эпоху и при свободном доступе к знаниям возраст – не аргумент»*, *«Национализм продвигает неуважение к постороннему, делая нас рабами злости, порождая агрессию, способную переродиться в фашизм»*).

Полученные примеры относят нас к учению Ю.Д. Апресяна, который, анализируя разные подходы к определению синонимов, делает вывод, что синонимы должны быть определены в чисто семантических терминах. При этом он выводит основные критерии синонимии из каждого подхода к данной проблеме, одним из которых является критерий взаимозаменяемости [2]. Иными словами, синонимами являются не слова вообще, а слова в определенных значениях, определяемых типизированными контекстами их употребления.

Список литературы:

1. Американа: Англо-русский лингвострановедческий словарь / Под ред. и общ. рук. Г. В. Чернова. – Смоленск: Полиграмма, 1996. – 1185с.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 368 с.
3. Арнольд И.В. Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста // Текст как объект комплексного анализа в ВУЗе. – Л.: Наука, 1984. – С. 3-11.
4. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика: Учеб. пособие для вузов. – М.: Высшая школа, 1990. – 175 с.
5. Вердиева З.Н. Семантическое поле в современном английском языке. – М.: Высшая школа, 1986. – 118 с.
6. Кронгауз М.А. Семантика: учебник для студентов лингвистических факультетов высших учебных заведений. – 2-е изд. – М.: Изд-во Центр Академия, 2005. – 352 с.
7. Обвинцева Н.В. Лексико-семантическое поле отношения в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. Челябин. гос. педагог. универ., Челябинск, 2010. – 193с.
8. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 382 с.
9. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово / Slovo, 2000. – 624 с.
10. Фурманова С. Л. Политическая корректность: постановка проблемы / С. Л. Фурманова, И. М. Компаниец, С. М. Теплякова // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2015. – № 2 (79). – С. 174-186
11. Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – 255 с.

References:

1. Americana: English-russian encyclopedic dictionary / G. V. Chernova (ed.). Под ред. и общ. рук. Г. В. Чернова. – Smolensk: Polygrams, 1996. – 1185 p.
2. Apresyan Y. D. Lexical semantics. Synonymous means of language. – M.: Nauka, 1974. – 368 p.
3. Arnold I. V. Lexico-semantic field in language and thematic grid text // Text as an object of complex analysis in high school. – L.: Nauka, 1984. – P. 3-11.
4. Vasiliev JI.M. Modern linguistic semantics: tutorial for high schools. – M.: Higher school, 1990. – 175 p.
5. Verdieva Z. N. The semantic field in modern English. – M.: Higher school, 1986. – 118 p.
6. Krongauz M. A. Semantics: a textbook for students of linguistic faculties of higher educational institutions. – 2nd ed. – M.: Publishing Center Academy, 2005. – 352 p.
7. Obvintseva N. W. Lexico-semantic field relations in Russian and English: dis. kand. filol. sciences. Chelyab. State pedagog. univer., Chelyabinsk, 2010. – 193s.
8. Pokrovsky M. M. the Selected works on linguistics. – M.: Izd-vo AS USSR, 1959. – 382 p
9. Ter-Minasova S. G. Language and intercultural communication. – M.: Slovo, 2000. – 624 p.
10. Furmanova S. L. Political correctness: statement of the problem / S. L. Furmanov, I. M. Kompaniets, S. Teplyakova, M. // Bulletin of the Russian humanitarian scientific Fund. – 2015. – № 2 (79). – P. 174-186
11. Shchur G. S. The theory of field in linguistics. – M.: Nauka, 1974. – 255 p.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

ПРАВОСЛАВИЕ И АРХЕТИПЫ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА.(Ч.І.)

Николай(Субботин)Василий Александрович,

*Епископ Салаватский и Кумертауский
кандидат богословия, г.Салават, РПЦ МПБашкортостанской
Митрополии.*

Сулейманов Тимур Фуатович,

*доцент, кандидат философских наук, г.Уфа, руководитель Отдела
канонизации новомучеников Уфимской Епархии Башкортостанской Мит-
рополии.*

Кондрашов Дмитрий Юрьевич

*кандидат богословия,г.Уфа, Управляющий делами епархии РПЦ МП
Башкортостанской Митрополии.*

ORTHODOX CHRISTIANITY AND ARCHETYPES OF NATIONAL MENTALITY (PART I).

Аннотация: В данной работе рассматривается влияние православия на становление и эволюцию национального менталитета русских, в основе которого, несомненно, лежат определенные архетипы. Они в значительной мере детерминируют развитие всего российского социума, специфичность протекающих в нем политических, экономических и иных социокультурных процессов. Архетип, как содержание «коллективного бессознательного», детерминирует определенный алгоритм действий человека в системе общественных отношений.

Abstract:The present article observes the influence of Orthodox Christianity on the formation and evolution of Russian national mentality which undoubtedly is based on certain archetypes. These archetypes greatly determine the development of the whole Russian society, the specific character of the social, economic, and other socio-cultural processes taking place in it. An archetype as the content of the collective unconscious determines a certain algorithm of man's actions in the system of social relations.

Ключевые слова:православие, нация, менталитет, ментальность, архетип, национальное религиозное сознание, культурный тип.

Keywords:Orthodox Christianity, nation, mentality, archetype, national religious consciousness, cultural type.

Русская душа останется навеки славянской душой, принявшей прививку православия. Эта православная прививка чувствуется и в нравственном облике русских интеллигентов-атеистов и у поносившего православие Л.Толстого.

Н.Бердяев.

Преобразуя душу русского человека, Православие прежде всего овладело его умом, легло в основу русского мышления и надолго определило собою все русское мирозерцание.

Внешнее обоснование и укрепление русского царства, с одной стороны, и изменение внутреннего строя общественных и семейных отношений в народе русском, с другой, явились только результатом и естественным следствием того благотворного воздействия, которое произвело Православие на личность русского человека.

А.Царевский.

Актуальность данной темы обусловлена той ролью и значением, которую играет религия в современном обществе и вполне закономерно, что в настоящее время ей уделяется огромное внимание, как неотъемлемой части общественных отношений, ее воздействию на происходящие в обществе процессы. Известные российские обществоведы Г.В.Осипов и Ж.Т.Тощенко не без должных оснований в своей статье «Современный мир и религия» пишут о том, что «в настоящее время практически всеми признается возрастание религиозного фактора в общественной жизни»[24, с.4.]

В настоящей работе авторы обращаются к проблеме становления и эволюции национального менталитета, который складывался под воздействием православного вероисповедания, и, конечно же, во многом predetermined архетипы, лежащие в его основании.

Между православным вероисповеданием и национальным менталитетом существует устойчивая связь, она проявляет себя как непосредственно, так и опосредованно, а именно через соответствующие ориентации, поведение, формы участия в жизни российского социума, отношением к политическим, правовым и иным социальным нормам и ценностям.

Менталитет - это особая составляющая национального бытия, и в настоящее время крайне важно учитывать его при принятии соответствующих политических решений и их реализации.

Категория «менталитет» как система этнопсихологических и этнокультурных установок общественного сознания и внесознательной сферы позволяет увидеть и оценить характерные черты духовности русского народа, традиционные ценностные ориентации, императивы.

Вся политическая система, общественное устройство predetermined «фундаментальными категориями и матричными структурами нашей истории, национального самосознания, культуры.

...Чтобы понять, как будет развиваться демократия в России, какая ее модификация применима здесь на практике, нужно определить архетипическое, неотменяемые свойства русской ... культуры.[29, с.7].

Именно в массиве « национального сознания каждого народа имеются базисные, врожденные элементы, определяющие сам дух, менталитет, характер данного народа, и они не могут не накладывать родовую печать...»[9, с.188] на всю систему социальных отношений.

Несмотря на значительное количество научных публикаций по данной теме[46.;14, с.36-40.;19,с.233-239.; 36, с.20-26.; 24, с.3-16.;34, с.238-243.;35 с.18-22.; 33, с.50-54.; 15, с.123-132.; 37, с.69-81.;18, с.43-46.;42. С.35-40.; 1, с.94-96.;2, с.59-67.; 22, с.411-423.;11, с.15-22.; 38, с.54-59.; 39, с.64-69.;40, с.38-45.;41, с.76-83.]интерес к ней не только не ослабевает, но и возрастает, и это обусловлено тем, что она является не только объектом острых научных дискуссий и имеет теоретический характер, но и важное практическое значение, которое используется в системе политических, экономических, правовых отношений. Достаточно сказать, что в Интернете в настоящее время «более шести тысяч сайтов ...связаны с описанием характеристик и свойств, присущих русскому национальному характеру»[19. с.234.].Сама тема поистине многогранна, и вполне естественно, что многие ее аспекты требуют дальнейшего исследования.

Менталитет прямо и косвенно находит свое проявление в системе политических, правовых, экономических, нравственных общественных отношений, придает им особую специфику.

Мы в данной работе рассмотрим первичную матрицу менталитета- архетип, который сформировался под воздействием православия и находит свое отражение в социально-психологическом и духовном состоянии нации. Обращение к иррациональному аспекту национального менталитета способствует более полному определению всех ее составляющих, что позволит прогнозировать дальнейшее культурно-историческое развитие российского общества в целом.

И, конечно же, мы не претендуем на ее полное, всеобъемлющее раскрытие. Наша задача состоит в выявлении архетипических оснований, которые детерминируют мировосприятие и мироощущение русского человека, и которые, несомненно, сложились под воздействием православия.

И, прежде чем мы приступим к рассмотрению данной проблемы, определимся с понятиями, которыми будем оперировать, а именно: православие, нация, менталитет, ментальность, архетип.

Под православием мы будем разуметь «одно из направлений христианства, окончательно обособившееся и организационно оформившееся в 11в. в результате разделения церквей. Сложилось не территории Византийской империи и служило идеологической опорой императорской власти...Вероисповедную основу православия составляют Священное писание(Библия) и Священное приращение(решения первых 7 вселенских соборов и труды отцов

церкви 2-8вв. Основные принципы православия как вероисповедной системы изложены в 12 пунктах (членах) символа веры, принятого на первых двух вселенских соборах в Никее и Константинополе. Важнейшими постулатами православного вероучения являются догматы: триединства бога, боговоплощения, искупления, воскресения и вознесения Иисуса Христа»[45, с.364.]. Православие происходит от(гр. «ортодоксия», дословно: «правоверие»). Православными «именуют себя отколовшиеся от единства Греко- римской Церкви неарианские древневосточные церкви, традиционно именуемые «дохалкидонскими», т.е. отошедшими после IV Вселенского собора(Халкидонского) в V в. Православные веруют «во единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь. «Соборная»(гр.«кафоликос»; латинизир. «католикос») Православная Церковь часто именуется «греко-кафолической»[8, с.121.].

Так же следует отметить, что «собственно греко-православие, обладающее общим канонико-догматическим единством, опирается на различные национальные традиции» [8, с.126.].

В восточно-византийском христианстве сохранялся канонический догмат о Троице. В понимании Бога он акцентировал внимание на таких смыслах его сущности как всеобщность, всемогущество, абсолютная справедливость. Отношения Бог – человек обретали патриархально-вертикальную направленность и безоговорочную врученность себя высшей Правде.

Понятие православие, как известно, включает в себя следующие взаимосвязанные части:

Во-первых, оно имеет вероучительный смысл, под которым понимается целостное, неискаженное, в первоизданной чистоте проповедуемое христианское вероучение, явленное в церковных догматах(и в этом смысле противостоит всем ересям, искажающим учение Иисуса Христа).

Во-вторых, православие имеет церковный смысл и под ним понимают сообщество автокефальных поместных Церквей, имеющих между собой ехаристическое общение.

В-третьих, под православием понимают особую духовную практику позволяющую получить опыт Богопознания через стяжание Божественной благодати Святого Духа, дающий надежду на спасение и преображение человека.

Мы этот достаточно подробный экскурс в историю данного термина делаем «для того, чтобы понять и помнить: сказать «православие» не значит автоматически разъяснить суть вероисповедания»[8, с.126.].

В подходе к сущности нации нам следует избегать тех недостатков, которые свойственны исследователям национального характера и о которых в свое время писал П.А.Сорокин, а именно: «Большинство исследователей национального характера страдают тремя основными недостатками. Во-первых, они или не определяют, или определяют слишком расплывчато то, что подразумевается под нацией или национальным характером...

Во-вторых, они отрицают глубокие различия, существующие между простой «автоматической» совокупность индивидов и объединенными (сложными) социальными и культурными системами...

Третий важный недостаток большей части исследований по проблемам наций, национальных черт и характеров заключается в редукции наций и других социокультурных систем к простому фрагменту «поведения» индивидуальных компонентов этих систем, сравниваемых с самими системами» [32, с.463-464].

Понятие «нация» в российской обществоведческой мысли довольно долгое время трактовалось в соответствии с тем определением, которое в свое время дал И.В. Сталин. Согласно его точке зрения, под нацией понималось «исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психическо-го склада, проявляющегося в общности национальной культуры». [26, с.281]. В современной социологической энциклопедии дается следующая трактовка: «Нация (от лат. *patio*-народ) – тип этноса, характерный для развитого классового общества. Возникновение нации исторически связано со становлением капитализма, ликвидацией феодальной раздробленности, усилением хозяйственных и других связей, распространением грамотности и литературы на родном языке, усилением этнического (национального) самосознания» [28, с.313]. Приведенные нами выше определения явно не в полной мере отражают суть понятия «нация» и поэтому будет целесообразно обратиться к определению данное известным российским ученым П.А.Сорокиным в его фундаментальной работе «Основные черты русской нации в двадцатом столетии» где он пишет: «... нация является многосвязной (многофункциональной), солидарной, организованной, полузакрытой социокультурной группой, по крайней мере, отчасти осознающей факт своего существования и единства. Эта группа состоит из индивидов, которые: 1) являются гражданами одного государства; 2) имеют общий или похожий язык и общую совокупность культурных ценностей, происходящих из общей прошлой истории этих индивидов и их предшественников; 3) занимают общую территорию, на которой живут они и жили их предки» [32, с.466].

Н.А.Бердяев обращаясь к проблеме определения понятия «нация» исходил в первую очередь из того, что «нация есть категория историческая по преимуществу, конкретно-историческая, а не абстрактно-социологическая. Она есть порождение совершенно своеобразной исторической действительности...»[5, с.551.].

Он делает акцент на то, что при определении нации следует в первую очередь учитывать такой первостепенный фактор как общая историческая судьба, которая в свою очередь формирует национальное сознание, главное и определяющее того, что называют нацией. Он писал «Бытие нации не определяется и не исчерпывается ни расой, ни языком, ни религией, ни территорией, ни государственным суверенитетом, хотя все эти признаки более

или мене существенны для национального бытия. Наиболее правы те, которые определяют нацию как единство исторической судьбы. Сознание этого единства и есть национальное сознание»[5, с.552.].

Современные исследователи такого понятия как нация считают, что под ней следует разуметь «высшую ступень социально-этнического ряда, в которой синтезированы, во-первых, этническое – язык, устоявшиеся формы материальной культуры, народное искусство, фольклор, традиции, нравы, особенности психологического склада людей как наиболее устойчивые, консервативные элементы в национальном и, во-вторых, социальное, (в узком смысле слова, не синоним общественного), включающее в себя социально-классовую структуру, систему социальных отношений, политические институты и пр.»[3, с.11.].

Итак, исходя из вышеприведенных определений следует, что нация – это прежде всего тип этноса, особенная социокультурная группа, проживающая на определенной территории, имеющей общие исторические корни, историческую судьбу, язык, систему культурных ценностей (которые могут находить свое воплощение в национальных традициях, обычаях, особенностях межличностного общения и т.д.), национальное самосознание, политическую организацию общества и экономический уклад (формы ведения хозяйства).

Определившись с понятием «нация» логичным будет дополнить его понятием «национальный характер». Под национальным характером мы будем разуметь «совокупность наиболее устойчивых, основных для данной национальной общности особенностей восприятия окружающего мира и форм реакций на него.

Национальный характер представляет собой, прежде всего, определенную совокупность эмоционально-чувственных проявлений, выражаясь в первую очередь в эмоциях, чувствах и настроениях - в способах эмоционально-чувственного освоения мира, а также в скорости и интенсивности реакции на происходящие события» [27, с.211].

Национальный характер выступает психологической основой менталитета.

В своей работе мы используем понятие «национальный менталитет», которое, как известно, отражает специфические ценностные ориентации, стиль мышления и национальный характер. Обратимся к этимологии данного термина. Согласно современному словарю иностранных слов термин «менталитет» происходит от «фр. mentalite»[31, с.371] и означает «склад ума; мироощущение, мировосприятие; психология» [31, с.371].

Мы должны отметить, что понятие «менталитет» как самостоятельный предмет исследования в науке стал рассматриваться сравнительно недавно – в 20-30 гг. XX в. В научный терминологический аппарат категорию «mentalite» одним из первых ввел французский психолог и этнограф Л.ЛевиБрюль после публикации своих работ «Ментальные функции в низших обществах» (1910г.) и «Первобытное мышление»(1922 г.) [14, с.36-40].

В современной справочной научной литературе и в частности «50/50. Опыт словаря нового мышления» приводятся точки зрения А. Гуревича и М. Рожанского на понимание термина *mentalite*.

Гуревич А. понимает *mentalite* как ментальность, которая имеет следующие значения: «Вся живая, изменчивая и при всем том обнаруживающая поразительно устойчивые константы магма жизненных установок и моделей поведения, эмоций, которая опирается на глубинные зоны, присущие данному обществу и культурной традиции...» [23, с.454].

По мнению М. Рожанского «Понятие *mentalite* утвердилось в интеллектуальной жизни Запада как поправка века к просветительскому отождествлению сознания с разумом.

Mentalite означает нечто общее, лежащее в основе сознательного и бессознательного, логического и эмоционального, т.е. глубинный и поэтому трудно фиксируемый источник мышления, идеологии и веры, чувства и эмоций» [23, с.459]. Мы обращаем внимание на то, что здесь толкования двух понятий взаимосвязанных, но не тождественных: ментальность и менталитет. В данной работе мы не будем заниматься детальным исследованием содержания существующих концепций в определении понятия «менталитет», а лишь укажем основные его трактовки.

В настоящее время в определении понятия «менталитет» можно выделить следующие подходы:

- описательные определения, где акцент делается на перечислении и описании компонентов менталитета ;
- психологические определения, где в первую очередь обращается внимание на то, что понятие менталитет это психологическая категория;
- нормативные определения, согласно которых стержнем менталитета является в первую очередь социальные нормы, регулирующие систему социальных отношений;
- структурные определения, авторы которых исходят из того, что менталитет это всегда особая структура, особая система;
- генетические определения, которые вскрывают в первую очередь биологический генезис ментальных структур;
- исторические определения, исходящие из того, что менталитет всегда несет в себе историческую память нации, народа, своеобразный исторический «код» [20, с. 35-37].

Используя понятие «менталитет» мы обратимся к тем работам, что представляют для нас интерес, и где, на наш взгляд, достаточно полно отражена его суть. Среди таковых нас привлекла точка зрения Т.С. Корнеевой, согласно которой менталитет – «это понятие социальной философии, дено-татом которого в социальном бытии является идеальная реальность, отражающая социально-культурное состояние субъекта истории (народа, нации, этноса, народности, социальной группы, индивида), которое складывается в результате долговременного и достаточно устойчивого воздействия есте-

ственно-географических, этнических, социально-культурных и цивилизационных условий его бытия и проявляется как в различных видах деятельности, так и в социально-психологических установках» [17, с.11]. По ее мнению основными компонентами менталитета «являются:

- социокультурный компонент, включающий духовную, религиозную, эстетически-художественную, нравственную, экономическую и политическую стороны жизнедеятельности общества;

- психологический компонент, выраженный на двух основных уровнях:

1) уровень социальной психологии («национальный характер»);

2) уровень индивидуальной психологии (конкретные проявления социально-психологических установок);

- цивилизационный компонент, представляющий собой региональные смыслы и символы культуры и выступающий либо в единстве, либо в противоречии с ее духовными смыслами и символами.

Цивилизационный компонент отражает уровень научного и технологического знания» [17, с.12].

Н.Н. Губанов в исследовании менталитета в первую очередь называет его характерные черты, среди которых отмечает: «1) Менталитет – система качественных и количественных социально-психологических особенностей субъекта; 2) менталитет детерминируется тремя факторами – генотипом субъекта, природной и социальной средой, собственной креативной деятельностью субъекта; 3) менталитет обуславливает своеобразный характер восприятия мира субъектом; 4) менталитет детерминирует специфический характер (направленность) деятельности субъекта; 5) менталитет – это средство осуществления социальной самоидентификации субъекта; 6) менталитет – основа социальной солидарности и средство осуществления преемственности в развитии социума; 7) менталитет – стимулирует социальный прогресс посредством культурных новаций, составляющих содержание новых ментальных особенностей» [12, с.26]. Названные выше признаки менталитета он дополняет его функциями, и таковыми, на его взгляд, являются:

«1. Осуществление социальной самоидентификации человека;

2. Формирование социальной солидарности и обеспечение единства социальной общности;

3. Поддержание преемственности существования социальной общности;

4. Стимулирование социального прогресса посредством культурных новаций» [12, с.83].

Исходя из названных им характерных черт и функций, он дает менталитету следующее определение: «это возникшая на основе генотипа под влиянием природной и социальной среды и в результате собственного духовного творчества субъекта система качественных и количественных социально-психологических особенностей человека или социальной общности; эта система детерминирует специфический характер восприятия

мира, эмоционального реагирования, речи, поведения, деятельности, самоидентификации субъекта, обеспечивает единство и преемственность социальной общности, а также стимулирует социальный прогресс посредством культурных новаций. Менталитет – это тип сознания и бессознательного индивида или социальной группы» [12, с.83].

Приведенные определения менталитета (Т.С.Корнеевой и Н.Н.Губанова) достаточно полно, на наш взгляд, отражают его суть, а именно, характеристики, функции и структурные компоненты.

В части касающейся соотношения понятий «менталитет» и «ментальность» мы разделяем точку зрения Д.В.Полежаева, согласно которой, они соотносятся «как «целое» и «часть». Это позволит нам говорить о менталитете общества (или национальном менталитете) и ментальности личности (индивидуальной ментальности)» [25, с.26].

Разновидностью менталитета является национальный менталитет, который отражает «дух народа», его «душу», и это обоснованно, в силу того, что, как мы считаем, национальный характер является частью менталитета, и он всегда особенный.

Национальный менталитет достаточно полно и точно, на наш взгляд, определил В.К. Трофимов в своей работе «Душа России: истоки, сущность и социокультурное значение русского менталитета», где он пишет, что «национальный менталитет можно определить как присущую определенной национальной общности совокупность стабильных рациональных и иррациональных особенностей коллективных представлений о себе и окружающем мире, специфический склад мышления и чувств, ценностных ориентаций и поведенческих установок, предрассудков, мнений и верований. Национальный менталитет включает в себя не только субъективную сторону жизнедеятельности народов, связанную со специфическими особенностями их внутренней душевной жизни, но и объективную сторону, связанную с опредмечиванием этих особенностей в социальной организации и культуре народов. Национальный менталитет, с одной стороны, является своеобразной призмой, сквозь которую отдельный индивид смотрит на себя и на мир, а с другой стороны, он обуславливает социальную ориентацию индивида и особенности его поведенческих реакций. Национальный менталитет в процессе своей объективизации формирует определенную культурную и социальную картину мира, присущую членам нации, и в значительной мере обуславливает формы социальных отношений между людьми, их культурную ориентацию и поведение» [43, с.128].

Из приведенных дефиниций менталитета, и в том числе национального, следует, что его неотъемлемой частью является «коллективное бессознательное» – архетип, который выступает своеобразным «генетическим кодом», который предопределяет поведение человека, побуждает к тем или иным действиям.

Архетип выступает неким стержневым элементом национального менталитета, который в свою очередь вбирает в себя:

- эмоциональный компонент;
- когнитивный компонент;
- поведенческий компонент.

По мнению К.Г.Юнга у каждой социальной группы (в нашем случае нации – авт.) существует своеобразный код его реакций и действий в определенных жизненных ситуациях. «Врожденный способ действия (acting) издревле известен как инстинкт или влечение; Способ психического постижения объекта я предложил назвать архетипом»[47, с.459].

«Архетип есть символическая формула, которая начинает функционировать всюду там, где или еще не существует сознательных понятий, или же где таковые по внутренним или внешним основаниям вообще невозможны. Содержания коллективного бессознательного представлены в сознании как ярко выраженные склонности и понимание вещей. Обычно они воспринимаются индивидом, как обусловленные объектом, что, в сущности, ошибочно, ибо они имеют источником бессознательную структуру психики, а воздействие объекта их только вызывает»[47, с.459].

К.Г.Юнг, раскрывая суть архетипа писал: «Архетипы ... предваряя сознание, определяют его, реально проявляются там, где они существенны – то есть как априорные структурные формы на инстинктивном уровне. Их следует воспринимать не как вещь в себе, а лишь как доступную для восприятия форму вещи» [44, с.213]. И далее указывает: «...Феномен архетипических структур, каковые представляют собой психические явления (и только), –опирается на психоидную основу, то есть на в какой-то мере психическую, но, вероятно, совсем иную форму бытия» [44, с.218].

У К.Г.Юнга архетип – это содержание «коллективного бессознательного» [44, с.220]. Он поясняет, что «выбрал термин «коллективное», поскольку речь идет о бессознательном, имеющем не индивидуальную, а всеобщую природу» [44, с.220]. «По существу архетип представляет собой бессознательное содержание, которое изменяется, становясь сознательным и воспринятым; оно претерпевает изменения под влиянием того индивидуального сознания, на поверхности, которого оно возникает» [44, с.222].

Сфера или область «их практического бытия – сфера религии, причем в той степени, в какой религию в принципе можно рассматривать с точки зрения психологии» [44, с.219]. Конечно же, здесь он имеет ввиду мифологию, религиозную догматику, ритуалы, тайные учения, сказки, религиозную символику, словом все то, что сопровождало человека тысячелетия.

«Термин «архетип» совпадает с известным в биологии понятием «patternofbehavior».

Здесь речь идет вовсе не об унаследованных представлениях, но об унаследованных инстинктивных стимулах и формах в том виде, как они наблюдаются у всех живых существ» [44, с.260].

Архетипы представляют собой неизменные образы мира, групповые представления людей, своеобразную историческую память, которая погружена в бессознательное, это особое восприятие и осмысление мира. Именно

они являются основной доминантой менталитета, стержнем, в силу того, что являются его первичной матрицей и предопределяющей тип самоидентификации [35, с.18-22].

Таким образом, архетип выступает как некий код (поведенческий), который детерминирует определенный алгоритм действий человека во всей системе общественных отношений, и, конечно же, находит свое выражение и на всей системе общественных отношений (политических, правовых, экономических, нравственных и т.д.).

Архетипы, выступая как основополагающий элемент коллективного бессознательного отражали начало бинарной организации «человеческих представлений о бытии, выражающихся в цепочке оппозиций(небо-земля, отец-мать, день-ночь, добро-зло, жизнь-смерть и т.д.), которые указывают на системность мироздания, очерчивают его пространственно-временные и ценностно-смысловые характеристики»[2, с.60-61.]. Они структурировали «самое раннее восприятие универсума, являются первичными познавательными моделями, посредством которых народы адаптировались к среде и осваивали устойчивые связи реальной действительности...»[2, с.61.].

Рассмотрев основные понятия, которыми мы будем оперировать, следует обратиться к тем факторам, что воздействовали на становление и развитие русского национального менталитета. И тут необходимо обратить внимание на то, что будем понимать под русской нацией. Данной работе мы будем придерживаться точки зрения П.А.Сорокина, который писал: «Русская нация состоит из трех основных ветвей русского народа – великороссов, украинцев (в настоящее время они себя не считают частью русского народа – авт.) и белорусов, а также из «русифицированных» или ассимилированных этнических групп, вошедших в состав дореволюционной Российской империи и современного Советского Союза» [32, с.469].

Необходимо отметить, что и в настоящее время данная точка зрения относительно русской нации разделяется современными учеными, и в качестве примера можно привести мнение известного российского исследователя А.Н. Кольева, который в своей работе «Политическая мифология» пишет: «Русская нация состоит из великороссов, малороссов и белорусов и других субэтносов русского народа, а также обрусевших представителей иных этносов Этнонациональная конструкция российской государственности – это русская нация и дружественные ей коренные народы страны» [16, с.333].

Среди важнейших факторов оказавших несомненное влияние на генезис русского менталитета как известно были:

- географический;
- природно-климатический;
- культурно- исторический;
- социально-экономический;
- идеологический (религиозный).

Н.А Бердяев, уделивший исследованию национального менталитета, на наш взгляд, наибольшее внимание и как никто из исследователей достаточно полно и убедительно проанализировал его [См. более подробно: 4; 5; 6.], писал, что он сложился в первую очередь под воздействием религиозного(православно-христианского) и природно-климатического фактора. Это мнение он высказывает в своей работе «Истоки и смысл русского коммунизма», где подчеркивал, что: «Душа русского народа была сформирована православной церковью, она получила чисто религиозную формацию. И эта религиозная формация сохранилась и до нашего времени, до русских нигилистов и коммунистов. Но в душе русского народа остался сильный природный элемент, связанный с необъятностью русской земли, с безграничностью русской равнины.

У русских «природа» стихийная сила, сильнее, чем у западных людей, особенно людей самой оформленной латинской культуры. Элемент природно– языческий, вошел и в русское христианство. В типе русского человека всегда сталкиваются два элемента – первобытное, природное язычество, стихийность бесконечной русской земли и православный, из Византии полученный, аскетизм, устремленность к потустороннему миру. Для русского народа характерен и природный дионисизм и христианский аскетизм» [4,с. 8].

В отношении окружающего русского человека пространства, в частности просторов России, необъятности земли русской и ее влияния на национальный менталитет, Н.А.Бердяев пишет о том, что, это, несомненно, сказалось на его человеческой природе. Это пространство ограничивало «всякую ответственную самодеятельность и творческую активность русского человек [6, с. 77]. Ниже мы остановим свое внимание на названных Н.А.Бердяевым факторах, при этом не считаем другие незначительными.

Будет правильным отметить, что перечисленные выше (религиозный, культурно-исторический, географический, природно-климатический и социально-экономический)факторы в совокупности создали особую православно-христианскую цивилизацию в России, особый национальный русский менталитет.

В части касающейся природно-климатического и географического фактора в формировании национального русского менталитета, мы отметим, что географический ландшафт земли русской может быть представлен основными тремя стихиями: лес, река, равнина, а они, в свою очередь, предопределили род трудовой деятельности – земледелие и соответственно оседлый образ жизни, национальные черты.

Так, характеризуя славянские народы (а это прямо относится к восточным славянам) немецкий философ и просветитель И.Г.Гердер указывал: «...Славяне никогда не были предприимчивыми и воинственным народом, как германцы...» [10, с.266]. Они, занимали «самое огромное пространство

в Европе, какое и теперь населяет в основном один народ. Повсюду они оседали, овладевая землей..., обрабатывая и используя ее как колонисты..., земледельцы...» [10, с.266].

«Они любили сельское хозяйство, запасы скота и зерна, а также разные домашние ремесла и всюду заводили полезную торговлю плодами своей земли и своего труда» [10, с.266]. И далее дает характеристику национальным чертам, которые выражались в том, что они «были щедрыми, гостеприимными до расточительности, любителями сельской свободы, но в то же время легко подчиняющимися и покорными, врагами грабежа и разбоя. Все это не оградило их от порабощения (монголо-татарское иго – авт.); напротив, способствовало ему. Ибо поскольку они никогда не претендовали на мировое господство, не имели в своей среде воинствующих наследственных князей и предпочитали платить дань, лишь бы было спокойно жить на своей земле...» [10, с.267]. Для них была характерной склонность «к покою и домашнему труду» [10, с.267]

В отношении миролюбия и отсутствия каких-либо претензий на мировое господство в национальном характере обусловленных природной средой указывает и Н.Я. Данилевский. В своей работе «Россия и Европа» он подчеркивает: «Славянские народы самую природою избавлены от той насильственности характера, которую народам романо-германским, при вековой работе цивилизации, удается только перемещать из одной формы деятельности в другую» [13, с. 189].

Список литературы:

1. Азина С.А. Национальная специфика архетипов и ценностей/Теория и практика общественного развития. 2013. №11. С.94-96.
2. Амельченко С.Н. Структура ментального кода российской культуры как основа целостности ее бытия» /Вестник Челябинского государственного университета. 2013. №13(304). Серия: Философия. Социология. Культурология. Вып. 29. С.59-67.
3. Бабаков В.Г., Семенов В.М. Национальное сознание и национальная культура (методол. проблемы). М., ИНФРА. 1996. 70с.
4. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS. 1955г. М.: Наука 1990. 224с.
5. Бердяев Н. Судьба России: Сочинения. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО_Пресс; Харьков: Изд-во Фолио. 1998. 736с.
6. Бердяев Н. Русская идея. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард. 2005. 832с.
7. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности/Бердяев Н. Русская идея. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард. 2005. 832с/
8. Бессмертный А.Р. Национализм и универсализм в русском религиозном сознании/На пути к свободе совести/Сост. и общ. ред. Фурмана Д.Е. и о. Марка (Смирнова). М.: Прогресс. 1989. С.122-171.
9. Гаджиев К.С. Политическая философия. (Отд-ние экон. РАН; науч.-ред. совет изд-во «Экономика» «Издательство «Экономика». 1999. 606с.

10. Гердер И.Г. Философия истории/Иоганн Готфрид Гердер Избранные сочинения. Государственное издательство художественной литературы. М.-Л. 1959.392с.

11. Горбенко А.Ю., Демкина Е.В. Генезис и сущность понятий «ментальность», «социальная ментальность»/Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2015. №4(169). С.15-22.

12. Губанов Н.Н. Менталитет: сущность, закономерности формирования, развития и функционирования в обществе. Дисс... д-ра филос. наук. М. 2014.348с.

13. Данилевский Н.Я. Россия и Европа/Сост., послесловие и комментарии С.А Вайгачева. М.: Книга. 1991.574с.

14. Дашковский П.К. К вопросу о соотношении категорий «менталитет» и «ментальность»(историко-философский аспект)/Философские дескрипты. Вып.2. Издание Алтайского государственного университета. 2002. С.36-40.

15. Добротушенко Е.В. Влияние православия на общество в современной России/Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2011. №4. С.123-132.;

16. Кольев А. Политическая мифология: Реализация социального опыта. М.: Логос. 2003.384с.

17. Корнеева Т.С. Менталитет как социокультурный феномен. Автореф. дисс... канд. филос. наук. Екатеринбург. 2001.21с.

18. Кузин Т.С. Анализ научно-психологических подходов к структуре национального менталитета больших социальных групп/Психология. Социология. Педагогика. Научно-практический журнал. 2012. №3(16). С.43-46.

19. Летаева Л.А. Русская ментальность и национальный характер в отечественной и зарубежной русистике./Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2006. №2. С.233-239.

20. Митрофанова Ю.Н. Ценностные ориентиры корпоративной культуры в контексте национальной ментальности. Дисс... канд. культурологии. Санкт-Петербург. 2014.171с.

21. Ольховикова С.В. Архетипический анализ идентичности/Человек и мире культуры. 2012. №4. С.28-34.

22. Цуриков В.И. О неоднозначном характере влияния православия на русскую ментальность/Российский гуманитарный журнал. 2013. №5. С.411-423.

23. 50/50: Опыт словаря нового мышления/Под общ.ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. М.: Прогресс. 1989.560с.

24. Осипов Г.В., Тощенко Ж.Т. Современный мир и религия/Вопросы философии. 2007. №6. С.3-16.

25. Полежаев Д.В. Идея менталитета в русской философии «золотого века» Волгоград: Изд-во ВолГУ. 2003.360с.

26. Политический словарь/Под редакцией профессора Б.Н. Пономарева. Издание второе. М.: Государственное издательство политической литературы. 702с.

27. Политология: Энциклопедический словарь/ Общ.ред.исост.:Ю.И. Аверьянов. М.: Изд-во Моск. Коммерч. ун-та. 1993.431с.

28. Российская социологическая энциклопедия. Под общей редакцией академика РАН Г.В. Осипова. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА. М. 1998.672с.

29. Русская политическая культура. Взгляд из Утопии. Лекция Владислава Суркова. Материалы обсуждения в «Независимой Газете» М.: Издательство Независимая Газета. 2007.96с.

30. Рязанова С.В. Роль религии в формировании политического мифа/Ценности и смыслы.2013. №2(24). С.14-22.

31. Современный словарь иностранных слов:Ок.20000 слов. М.: Русс.яз.1992.740с.

32. Сорокин П.А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии/ О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: «Наука». 1990.528с.

33. Ступин М.М. Социальная мифология в России - на пути от архетипа к социальной технологии/Известия Саратовского университета. Новая версия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2010.Том10.вып.2. С.50-54.

34. Сулейманов Т.Ф. Национальный характер и русская идея/Русская словесность в поисках национальной идеи, Междунар. науч. симпозиум (2007;Волгоград).Международный научный симпозиум «Русская словесность в поисках национальной идеи», 6-9 июля 2007г. :(материалы) сост. и общ.ред. А.Н. Долженко. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС. 2007.С.238-243.

35. Сулейманов Т.Ф. Православие и русская национальная идентичность/Всероссийская межвузовская научно-практическая конференция «Судьба России в эпоху глобализации» 15-16 мая 2009. Уфа: ОН и РИО Уфимский юридический институт МВД России.2009.С.18-22.

36. Сулейманов Т.Ф. Религиозное начало в русской национальной ментальности/Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2006. №4.С.20-26.

37. Сулейманов Т.Ф., Кашапов У.А. Идеология православия как неотъемлемый компонент русского консерватизма/Вестник БИСТ (Башкирский институт социальных технологий).2012. №4(16).С.69-81.

38. Сулейманов Т.Ф. Архетип как элемент национального менталитета/Транспортное образование и наука:проблемы и перспективы:материалы всероссийской научно-практической конференции(2015;Самара – Уфа).IVВсероссийская научно-практическая конференция «Транспортное образование и наука:проблемы и перспективы»,2015г.[Текст].Самара – Уфа:СамГУПС. Изд-во ИП Галиуллин Д.А.2015.С.54-59.

39. Сулейманов Т.Ф., Н.А. Бердяев о русском национальном характере/Транспортное образование и наука: проблемы и перспективы: материалы всероссийской научно-практической конференции (2015; Самара – Уфа). IV Всероссийская научно-практическая конференция «Транспортное образование и наука: проблемы и перспективы», 2015 г. [Текст]. Самара – Уфа: СамГУПС. Изд-во ИП Галиуллин Д.А. 2015. С. 64-69.

40. Сулейманов Т.Ф., Янаев Р.Р. Политическая культура и национальный менталитет. (Часть. I.) / Научный Обозреватель. Научно-аналитический журнал. 2016. №3(63). С. 38-45.

41. Сулейманов Т.Ф., Янаев Р.Р. Политическая культура и национальный менталитет. (Часть. II.) / Научный Обозреватель. Научно-аналитический журнал. 2016. №4(64). С. 76-83.

42. Тихонова Е.П. К опыту герменевтического исследования онтологии русской культуры: православие и вектор национального развития / Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. №2(10). С. 35-40.

43. Трофимов В.К. Душа России: истоки, сущность и социокультурное значение русского менталитета / В.К. Трофимов. 2-е изд., испр. и доп. Ижевск ФГОУ ВПО Ижевская ГСХА. 2010. 408 с.

44. Фрейд Зигмунд. Опасные желания. Что движет человеком? / Зигмунд Фрейд., Карл Юнг. Москва: Алгоритм. 2014. 288 с.

45. Христианство: Словарь / Под общ. ред. Л.Н. Митрохина и др. М.: Республика. 1994. С. 364. 559 с.

46. Экономцев И. (Протоиерей Иоанн) Православие. Византия. Россия. Париж. YMGA-PRESS. 1989. 297 с.;

47. Юнг К.Г. Психологические типы / Перевод с немецкого Софии Лорие, переработанный и дополненный Валерием Зеленским. Под общей редакцией Валерия Зеленского. М.: «Университетская Книга» АСТ. 1997. 716 с.

ПРАВОСЛАВИЕ И АРХЕТИПЫ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА. (Ч. II.)

Николай(Субботин)Василий Александрович,

*Епископ Салаватский и Кумертауский
кандидат богословия, г. Салават, РПЦ МПБашкортостанской
Митрополии.*

Сулейманов Тимур Фуатович,

*доцент, кандидат философских наук, г. Уфа, руководитель Отдела
канонизации новомучеников Уфимской Епархии Башкортостанской Митрополии.*

Кондрашов Дмитрий Юрьевич

*кандидат богословия, г. Уфа, Управляющий делами епархии РПЦ
МПБашкортостанской Митрополии.*

ORTHODOX CHRISTIANITY AND ARCHETYPES OF NATIONAL MENTALITY (PART II).

Аннотация: В данной работе рассматривается влияние православия на становление и эволюцию национального менталитета русских, в основе которого, несомненно, лежат определенные архетипы. Они в значительной мере детерминируют развитие всего российского социума, специфичность протекающих в нем политических, экономических и иных социокультурных процессов. Архетип, как содержание «коллективного бессознательного», детерминирует определенный алгоритм действий человека в системе общественных отношений.

Abstract: The present article observes the influence of Orthodox Christianity on the formation and evolution of Russian national mentality which undoubtedly is based on certain archetypes. These archetypes greatly determine the development of the whole Russian society, the specific character of the social, economic, and other socio-cultural processes taking place in it. An archetype as the content of the collective unconscious determines a certain algorithm of man's actions in the system of social relations.

Ключевые слова: православие, нация, менталитет, ментальность, архетип, национальное религиозное сознание, культурный тип.

Keywords: Orthodox Christianity, nation, mentality, archetype, national religious consciousness, cultural type.

Именно православность, а не имперская державность создала русский культурный тип.

А. Солженицын.

Православие облагородило и образовало все лучшие инстинкты русской души, улучшило и возвысило ее духовные качества, существенно изменило весь нравственный облик русского человека.

На всем поведении и деятельности последнего легла неизгладимая печать Православного христианства: русский человек стал мыслить о всем на свете с точки зрения своей святой веры и делал всякое дело «по писанному», по церковному; интересы веры стали на первом плане в его сознании, а учение, взгляды, предписания и советы церкви Православной сделались единственно руководственными в его жизни. Религиозность явилась типическим свойством, специальной особенностью русского человека и качества православного христианина – главными национальными чертами русского характера.

А.Царевский.

Географический фактор, несомненно, сказался на национальной ментальности русских, он выступает как «география русской души» [4, с.327].

В работе Н.А.Бердяева «Судьба России» этому вопросу посвящена отдельная глава: «О власти пространств над русской душой», где он писал: «... в судьбе России огромное значение имели факторы географические, ее положение на земле, ее пространства. Географическое положение России было таково, что русский народ принужден был огромного государства. На русских равнинах должен был образоваться великий Востоко-Запад, объединенное и организованное государственное целое. Огромные пространства легко давались русскому народу, но нелегко давалась ему организация этих пространств в величайшее в мире государство, поддержание и охранение порядка в нем. На это ушла большая часть сил русского народа. Размеры русского государства ставили русскому народу почти непосильные задачи, держали русский народ в непомерном напряжении. И в этом деле создания и охранения всего государства русский народ истощал свои силы.

Требования государства слишком мало оставляли свободного избытка сил. Вся внешняя деятельность русского человека шла на службу государству.

...Русская душа подавлена необъятными русскими полями и необъятными русскими снегами, она утопает и растворяется в этой необъятности» [4, с.325-326].

Н.А. Бердяев, осмысляя процесс постоянного освоения новых земель, разрастания государства приходит к тому, что это наложило отпечаток как на национальные, так и личностные качества русского человека. «Государственное овладение необъятными русскими пространствами сопровождалось страшной централизацией, подчинением всей жизни государственному интересу и подавлением свободных личностных и общественных сил. Всегда было слабо у русских сознание личностных прав и неразвита была самостоятельность классов и групп» [4, с.326],

...необъятные пространства России тяжелым гнетом легли на душу русского народа. В психологию его вошли и безграничность русского государства и безграничность русских полей. Русская душа ушиблена ширью, она не видит границ, и эта безграничность не освобождает, а поработывает ее» [4, с.326].

Обращая внимание на пространственное измерение жизнедеятельности русского социума, Н.А.Бердяев подчеркивал: « формы русского государства делали русского человека бесформенным. Смирение русского человека стало его самосохранением...Необъятные пространства, которые со всех сторон окружают и теснят русского человека, – не внешний, материальный, а внутренний, духовный фактор его жизни. Эти необъятные русские пространства находятся и внутри русской души и имеют над ней огромную власть...

Широк русский человек, широк как русская земля, как русские поля...

Огромность русских пространств не способствовало выработке в русском человеке самодисциплины и самодеятельности, – он расплывался в пространстве. И это было не внешней, а внутренней судьбой русского народа...» [4, с.347].

И далее он разъясняет свое положение о влиянии этого русского пространства на характерные черты русского национального характера, точнее их взаимосвязь так: «Власть шири над русской душой порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков. Русская лень, беспечность, недостаток инициативы, слабо развитое чувство ответственности с этим связаны. Ширь русской земли и ширь русской души давали русскую энергию, открывая возможность движения в сторону экстенсивности. Эта ширь не требовала интенсивной энергии и интенсивной культуры. От русской души необъятные русские пространства требовали смирения и жертвы, но, они же, охраняли русского человека и давали ему чувство безопасности...Огромная русская земля, широкая и глубокая, всегда вывозит русского человека, спасает его...

Над русским человеком властвует русская земля, а не он властвует над ней» [4, с.327].

Определяющим же фактором, на наш взгляд, одним из самых значимых в процессе формирования ценностей любого социума, его мировоззрения является религиозный, и не случайно в основе выделения той или иной цивилизации (определенного культурно-исторического типа – по Н.Я.Данилевскому) лежит религия[8; 9; 23; 25;33].

М.Вебер, не без должных оснований, считал, что в зависимости от типа религиозных верований, связей складывается определенный тип политического сообщества. [См.болееподробно:8].

На примере России мы можем сказать, что православие сформировало то, что называем языковой культурой нации, а та в свою очередь определенный строй мышления, национальный менталитет. И на это весьма важное

обстоятельство указывал И.Г. Гердер, который писал: «Язык выражает характер нации», [14, с.117] «язык учит нас ясно мыслить, а ясные, живые мысли заставляют искать четкие и яркие слова;

...Дух языка – это, следовательно, также и литературы всякого народа» [14, с.117].

Рассматривая влияние религии на генезис национального менталитета, мы должны отметить, что она стала центральной несущей опорой системы социальных отношений, социальной интеграции, предопределившей содержание существующих социальных норм, важнейшей составляющей социальной регуляции [28, с.5-11; 30, с.5-13; 31, с.154-166.]. И тут будет вполне уместным (в части касающейся религии как основы ряда социальных норм показать, например, влияние религии на право), привести мысль достаточно известного российского ученого правоведа С.С.Алексеева, которая заключается в том, что ближайшей исторической предосновой права в строго юридическом смысле явилась религия, сакральные начала [1, с.137].

Если же кратко остановиться на религиозных корнях права, то отметим следующие:

- идеология и практика православия;
- синодальная церковь как институт политической организации общества;
- фактическая обособленность православной религиозности от других сфер общественной жизни;
- процессы теологизации и укрепления сакральности веры;
- нравственно-эстетическая насыщенность и отстраненный характер религиозности;
- раскол.

Для российского права была характерна особая форма, в которой более всего находили выражение религиозно-нравственные установки.

Определяя важнейшее свойство русской души, российского менталитета, его религиозность, мы приводим, на наш взгляд, одну из важных характеристик, данных Н.А.Бердяевым, когда он писал: «Русская душа останется навеки славянской душой, принявшей прививку православия. Эта православная прививка чувствуется и в нравственном облике русских интеллигентов-атеистов и у поносившего православие Л.Толстого»[4, с. 391]. Исходя из этого, следует, что русская душа, прежде всего, религиозна, по сути, по содержанию, а это, в свою очередь, обусловило и другие ее качества, о которых Н.А.Бердяев писал так: «Религиозная формация русской души выработала некоторые устойчивые свойства: догматизм, аскетизм, способность нести страдания и жертвы во имя своей веры, какова бы она ни была, устремленность к трансцендентному, которое относится то к вечности, к иному миру, то к будущему, к этому миру. Религиозная энергия русской души обладает способностью переключаться и направляться к целям, кото-

рые не являются религиозными, например, к социальным целям. В силу религиозно-догматического склада своей души русские всегда ортодоксы или еретики, раскольники, они апокалиптики или нигилисты» [2, с.9].

Говоря о религиозности как одной из доминирующих черт русской национальной ментальности, нельзя не отметить ее особенности. И, здесь, мы вновь обращаемся к той ее характеристике, которую дал Н.А.Бердяев. Он писал: «Русская религиозность женственная религиозность, религиозность коллективной биологической теплоты, переживаемой как теплота мистическая. В ней особо развито личное религиозное начало; она боится выхода из коллективного тепла в холод и огонь личной религиозности. Такая религиозность отказывается от мужественного, активного духовного пути». [5, с.35]. Русский народ «в своей религиозной жизни возлагается на святых, на старцев, на мужей, в отношении к которым подобает лишь преклонение, как перед иконой» [5, с.35].

Его «религиозность равнинная, а не горная; коллективное смирение дается ему легче, чем религиозный закал личности, чем жертва теплом и уютом национальной стихийной жизни» [5, с.35].

На данную определяющую черту русского национального менталитета (его религиозность) также указывал Н.Я. Данилевский в своей работе «Россия и Европа» (которую мы ранее уже упоминали): «Религия составляла ... для русского народа преобладающий интерес во все времена его жизни» [13, с.187].

Н.О.Лосский, занимаясь исследованием национального русского характера, также выделяет в качестве доминирующей черты – религиозность и связанное с нею искание абсолютного совершенного царства бытия [21]. Давая характеристику менталитета русского народа, он писал: «Основное свойство русского народа есть его религиозность и связанное с ней абсолютного добра Царства Божия и смысла жизни, снижающееся при утрате религии на степень стремления к социальной справедливости в земной жизни; в связи с этим свойством стоит способность к высшим формам опыта, именно к религиозному и эстетическому опыту, к философскому умозрению и к чуткому восприятию чужой душевной жизни; откуда получается живое индивидуальное общение с людьми» [21, с.359].

Наряду с вышеназванной чертой Н.О.Лосский также выделяет еще не менее важное: «Второе первичное свойство русского народа – могучая сила воли, откуда возникает страстность, максимализм и экстремизм, но иногда обломовщина, лень, пассивность вследствие равнодушия к несовершенному добру земной жизни; отсюда невыработанность средних областей культуры, а вместе с тем и невыработанность характера, недостаток самодисциплины. В связи с исканием абсолютного добра стоит свобода духа русских людей, широкая натура, испытание ценностей мыслью и опытом, откуда возникают дерзкие, рискованные предприятия, склонность к анархии, неумение столкнуться для общего дела, нигилизм и даже хулиганство» [21, с.359].

К числу первичных основных свойств относится «доброта, углубляемая и поддерживаемая исканием абсолютного добра и религиозностью; однако, измученный злом и нищетой, русский человек может проявить и большую жестокость. В связи с опытом искания абсолютного добра у русского человека развилась высокая и разносторонняя одаренность, теоретический и практический ум, художественное творчество в различных областях искусства. Чуткость к добру соединена у русского человека с сатирическим направлением ума, со склонностью все критиковать и ничем не удовлетворяться» [21, с.360].

Из вышеприведенной характеристики русского национального менталитета следует, что его главная определяющая черта – религиозность – сформировала и другие нравственные качества. Но помимо названных основных первичных качеств, как назвал их Н.О.Лосский, относящиеся к достоинствам у него есть и отрицательные, возникающие «как обратная сторона положительных качеств или даже как извращение их» [21, с.360].

Среди них: «...экстремизм, максимализм, требование всего или ничего, невыработанность характера, отсутствие дисциплины, дерзкое испытание ценностей, анархизм, чрезмерность критики» [21, с.360], которые «могут вести к изумительным, а иногда и опасным расстройствам частной и общественной жизни, к преступлениям, бунтам, к нигилизму, к терроризму. Большевицкая революция есть яркое подтверждение того, до каких крайностей могут прийти русские люди в своем смелом искании новых форм жизни и безжалостном истреблении ценностей прошлого» [21, с.360].

С.Л.Франк, подчеркивая значение религии, ее роль, писал: «Русский народ некогда основал, и в течение столетий укреплял величайшее и мощнейшее государство в Европе, и что это государство удерживалось не светско-политической идеей, а монархией в ее национально-русском варианте, т.е. внушительной религиозной идеей «царя-батюшки»- царя как носителя религиозного единства и религиозного стремления русского народа к истине»[33, с.489].

По мнению польского ученого-словесника А.Вежбицкой, именно религия предопределила три основные категории русского менталитета, национального характера. Она пишет: «...в наиболее полной мере особенности русского национального характера раскрываются и отражаются в трех уникальных понятиях русской культуры. Я имею в виду такие понятия, как душа, судьба и тоска»[10, с.33.].

Православие в силу его исторического развития оказало колоссальное влияние на становление и эволюцию российской государственности и соответственно политико-правовую традицию. В силу того, что именно православию во многом предопределило природу и суть культурной организации российского социума, национального менталитета то, конечно же, также обусловило ряд особенностей политико-правовой традиции, а именно:

«- политико-правовая традиция складывалась непосредственно под воздействием Русской православной церкви, которая вплоть до начала

XVIII века...была единственным проводником культуры и образования в стране;

- политико-правовая традиция явилась своеобразным сплавом национального и религиозного элемента, где в несравненно большей мере проявляется сила традиций, элементы постоянства. На протяжении веков остаются неизменными этнические и религиозные представления, на которые мало действует не только смена политического режима, но и общественной системы в целом.

- на политико-правовой традиции сказались специфика и особенность культурно-исторического развития государства российского;

- политико-правовая традиция явилась отражением характера русского народа, наиболее глубокой чертой, которой есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, следовательно, такого добра, которое осуществило лишь в Царстве Божием;

- приоритет духовно-нравственного начала в понимании сущности права по отношению к юридико-нормативному аспекту его восприятия. Подобное отношение отражается в оценке права с точки зрения его справедливости. При этом право предстает как исходящая от государя высшая истина, «правда»;

- приоритет коллективистских (публичных) ценностей по отношению к индивидуальным (частным) в понимании социальной сущности государства;

- в силу того, что политико-правовая традиция сложилась под воздействием православия, то в ее основе лежит «традиция платонизма и греческой патристики»;

- политико-правовая традиция всегда вбирала в себя базовые ценности России, которые формировались и воспроизводились столетия. До 1917 года таковыми была соответствующая триада: православие-самодержавие-народность или Вера - Царь - Отечество. В 1917 году старым ценностям были противопоставлены марксизм-ленинизм – диктатура пролетариата – интернационализм». И тут надо отметить, что в советских максимах было воспроизведено в новой форме, то, что содержалось в уваровской триаде. Внешне они противостояли ей «одновременно воспроизводили неизменное, глубинное, выраженное в ней»;

- политико-правовая традиция включила в себя византийский компонент, который она переняла у Византии после крещения по православному образцу в 988 г.» [27, с.117.].

Обращаясь к проблеме влияния православия на национальный менталитет, уместным будет привести высказывание директора Библиотеки Конгресса США, представителя современной интеллектуальной элиты Америки, специалиста по истории русской культуры профессора Джемса Биллингтона, который «утверждает, что прошлое и будущее России зиждится на трех корнях:

1) христианская православная культура, которая формировала русскую цивилизацию и играла в России большую роль, чем в Западной Европе;

2) Россия – часть Европы: все, что она брала от Европы, она великолепно осваивала и развивала и в духовной, и в материальной сферах;

3) географическая среда: гигантское и разнообразное пространство России оказывало влияние на психологический склад и экономическое мышление. [Цит. по: 19, с.238.]

Обращаясь к сложившимся в течение длительной истории чертам национального менталитета, Н.А.Бердяев отмечает их амбивалентность, которые, по его мнению, проявляются в совмещении противоположных начал. Он пишет об этом так: «Россию и русский народ можно характеризовать лишь противоречиями. Русский народ с одинаковым основанием можно характеризовать, как народ государственно-деспотический и анархически-свободолюбивый, как народ склонный к национализму и национальному самомнению, и народ универсального духа, более всех способный к всечеловечности, жестокий и необычайно человечный, склонный принять страдания и до болезненности сострадательный. Эта противоречивость создана всей русской историей и вечным конфликтом инстинкта государственного могущества с инстинктом свободолюбия и правдолюбия народа. Вопреки мнению славянофилов, русский народ был народом государственным – это остается верным и для советского государства...» [2, с.15]. Русский народ представляет собой единое целое, где соединены в одно целое абсолютно разные начала, он «есть совмещение противоположностей» [5, с. 543]. И это, по мнению Н.А.Бердяева, обусловлено тем, что «два противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая дионисическая стихия и аскетически-монашеское православие. Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброты, человечность, мягкотелость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически – мессианская религиозность и внешнее благочестие, искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость, рабство и бунт» [5, с.544].

Характеризуя природу русского человека, ее так называемую «маятниковую» черту Н.А.Бердяев также пишет: «Нужно помнить, что природа русского человека очень поляризованная. С одной стороны – смирение, отречение; с другой стороны – бунт, вызванный жалостью и требующая справедливости. С одной стороны – сострадательность, жалостливость; с другой стороны – возможность жестокости; с одной стороны – любовь к свободе, с другой – склонность к рабству. У русских – иное чувство земли, и самая земля иная, чем у Запада. Русским чужда мистика расы и крови, но очень близка мистика земли. Русский народ, по своей вечной идее, не любит устройства этого земного града и устремлен к Граду Грядущему, к Новому

Иерусалиму, но Новый Иерусалим не оторван от огромной русской земли, он с ней связан, и она в него войдет»[5, с.734.].

В отношении мира политического и прежде всего государства то в русском человеке, как это было сказано выше, присутствует два взаимоисключающих начала – анархизм и государственность. В работе «Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности». Н.А.Бердяев пишет: «Россия – самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире. И русский народ – самый аполитичный народ, никогда не умевший устраивать свою землю. Все подлинно русские национальные наши писатели, мыслители, публицисты – все были безгосударственниками, своеобразными анархистами. Анархизм – явление русского духа, он по-разному был присущ и нашим крайним левым, и нашим правым» [5, с. 31]. И этот русский анархизм «женственный, а не мужественный, пассивный, а не активный» [5, с.32].

И вместе с тем Россия «самая государственная и самая бюрократическая страна в мире; все в России превращается в орудие политики. Русский народ создал могущественнейшее в мире государство, величайшую империю. Эта государственность была крайне необходимая в силу того, что жизненно важно было защищать свою территорию, оборонять ее. Русская государственность занимала положение сторожевое и оборонительное. Она выковывалась в борьбе с татарщиной, в Смутную эпоху, в иноземные нашествия» [5, с.33].

Россия всегда испытывала наличие внешней угрозы, народ находился в условиях постоянной мобилизации для того, чтобы отстоять свою землю, и это не могло не сказаться на национальном менталитете и желании иметь сильную государственность и на это обращает внимание академик Д.С. Лихачев в своей работе «О национальном характере русских», где писал Россия всегда находилась «на грани чрезвычайной опасности – это вне всякого сомнения, как и то, что в России не было счастливого настоящего, а только заменяющая его мечта о счастливом будущем» [20, с.5.].

Характеризуя русскую интеллигенцию как неотъемлемую часть русского народа, ту, которая всегда формировала то, или иное умонастроение, Н.А.Бердяев писал: «То, что на Западе было научной теорией (имеется ввиду теория марксизма – авт.), подлежащей критике, гипотезой или во всяком случае истиной относительной, частичной, не претендующей на всеобщность, у русских интеллигентов превращалось в догматику, в что-то вроде религиозного откровения» [2, с. 18]. На это качество, не только интеллигенции, но и всего русского народа, исходящее, по его мнению, из религиозного мировосприятия, религиозного сознания русской души. Он отмечал: «Русские все склонны воспринимать тоталитарно, им чужд скептический критицизм западных людей. Это есть недостаток, приводящий к смешениям и подменам, но это также достоинство и указывает на религиозную целостность русской души» [2, с.18].

Б. Вышеславцев, исследовавший русский национальный менталитет, к вышеперечисленным (Н.А.Бердяевым, Н.О. Лосским, С.Л.Франком) национальным качествам русского народа добавляет такие: «...непонятность, иррациональность поступков и решений», [12, с.622] «...национальная скромность. Самокритика и самоосуждение составляют нашу несомненную черту. Нет народа, который до такой степени любил бы ругать себя изобличать себя, смеяться над собой», [12, с.628] и « область подсознательного в душе русского человека занимает исключительное место» [12, с.622-623].

Рассматривая черты русского национального менталитета обязательно обратим свое внимание на специфичность русского православного сознания, о которых писал известный российский правовед П.И.Новгородцев в своей работе «Существо русского православного сознания», где, на наш взгляд, достаточно точно отражены его важнейшие качества. В данной работе мы не будем подробно останавливаться на них, а лишь только их перечислим [22, с. 407-423].

Итак, для русской православной души характерно:

- убеждение в общей нравственной и религиозной ответственности каждого за всех и всех за каждого;
- пассивность и созерцательность;
- дух смирения;
- душевная простота и благочестие;
- потребность внешнего обнаружения религиозного чувства.

С.Н.Булгаков в своей работе «Православие: Очерки учения православной церкви» рассматривая влияние православия на национальный характер писал: «...при сравнении между православием (по крайней мере, русским) и не - православным христианством проявляется, обычно, та особая задушевность и сердечность, которая наиболее соответствует характеру первого. Характер православных определяется, как основными чертами, смирением и любовью. Отсюда та благожелательная скромность, искренность и простота, которая столь несовместима с духом прозелитизма и властности(*compelle intrare*), свойственным римскому католичеству.

Православие не убеждает и не завлекает, оно пленяет и притягивает, это есть его образ действия в мире. На нем лежит печать Иоанновского христианства: «дети, любите друг друга!»

Православие воспитывает прежде всего сердце, и в этом состоит главное его отличие, источник как его превосходства, так и его слабости, может быть, более всего проявляемой в воспитании религиозной воли»[7, с.328-329.].

Архетип выступая как основа национального менталитета, представляет собою еще и определенную генную наследственность нации, ее генотип. В части касающейся генотипа мы считаем должным обратиться к работе известного российского ученого П.А.Сорокина «Социология революции», где он ссылаясь на работы ученых того времени писал о том, что «

психика человека определяется (в %) наследственностью – от 60 до 90%, средою и воспитанием – от 40 до 10»[26, с.601.].

Согласно современных исследований «поведение человека(в том числе и этикет) зависит на 80% от генотипа и только на 20% от фенотипа(то есть внешних влияний), то в конечном счете статистически поведение человека вообще и его культурные основы в частности определяются генотипом, то есть расовыми и этническими свойствами.»[11, с.48.]. Это и есть «знаменитый юнговский архетип, то есть специфическая структура изначальных подсознательных элементов, управляющих поведением»[11, с.48.].

Отметив влияние религии и других факторов на генезис национального менталитета, его основные характеристики, мы не можем не сказать того, что помимо национального прототипа, в нем находит свое отражение и составляющие национальной идеи. По мнению Л.Б. Шнейдера и С.В. Васильева, национальный менталитет может быть представлен двумя составляющими: национальной идеей и национальным прототипом [35].

Представляется, что русская идея есть совокупность следующих составляющих:

1. Идея самомученичества, выражающаяся в такой национальной самохарактеристике, как: «Никем не мучимые, но сами себя мучат».

2. Идея эстетическая. «...храмовая идея нашего древнего искусства, господствовавшая и в древней нашей архитектуре, и в живописи» (Е.Н. Трубецкой).

3. Идея соборности. Выработанное А.С. Хомяковым, у Вл. Соловьева трансформировалось в понятие «всеединство» («...в котором единое существует не на счет всех или в ущерб им, а в пользу всех»).

4. Идея всеединства, неотделимая от идеи соборности.

5. Идея евразийства («Россия есть не только Запад, но и Восток, не только Европа, но и Азия, и вовсе не Европа, но Евразия» - П.Н. Савицкий).

6. Идея соотношения «интеллигенции» и «народа» (основные черты интеллигенции - в восприимчивости и чувствительности к судьбам России и ее народа).

7. Эсхатологическая идея. («Конец мира» должен обернуться не гибелью его, а восхождением на новую ступень, которую человечество призвано достичь своими усилиями, но по воле Бога).

8. Идея самоучительства (оборотная сторона идеи самодостаточности и универсальности России). [17, с.15-18].

Рассмотрев основные составляющие русской идеи как неотъемлемой части национального менталитета, нельзя не обратить внимание на специфичность мировосприятия и мироощущения, которые непосредственно связаны с определенным своеобразием мыслительной природы русского человека.

У русского человека отличный от западного тип мышления, на что в свое время указывали Н.А.Бердяев и С.Л.Франк. Н.А. Бердяев, характеризуя мышление русских людей, писал о том, что они «...мыслят иначе. Говорю о

характерном русском мышлении [3, с. 252]. Русские рассматривают проблему по существу, а не в культурном мышлении». С.Л.Франк в своей работе «Русское мировоззрение», рассматривая проблему русского мышления, отмечает: «Своеобразие русского типа мышления именно в том, что оно изначально основывается на интуиции. Систематическое и понятийное в познании представляется ему, хотя и не как нечто схематичное, неравнозначное полной и жизненной истине. Глубочайшие и наиболее значительные идеи были высказаны в России не в систематических трудах, а в совершенно иных формах – литературных» [34, с.471]. Другую очень характерную особенность русского мировоззрения, указывает он, следует оценить во всей глубине значимости в истинном смысле. «Я имею в виду характерное предубеждение против индивидуализма и приверженность к определенному рода духовному коллективизму [34, с.485]. Русский духовный коллективизм самобытен и, «во-первых, он ничего не имеет общего с экономическим и социально-политическим коммунизмом, а, во-вторых, несмотря на то, что этот коллективизм противостоит индивидуализму, он отнюдь не враждебен понятиям личной свободы и индивидуальности, а, наоборот, мыслится как его крепкая основа» [34, с.486].

Общее в русском самосознании предшествует частному, «мы» есть такое конкретное целое, в котором не только могут существовать его части, неотделимые от него, но которое и само внутренне пронизывает каждую часть и в каждой наличествует полностью» [34, с.486].

Н.Я.Данилевский, подчеркивая наличие общинного сознания в национальном менталитете, доминировании общего над личным, писал: «Важнейший момент развития русского народа состоит в огромном перевесе, который принадлежит в русском человеке общенародному русскому элементу над элементом личным, индивидуальным» [1, с.197].

Акцентируя внимание на особенности мышления русского человека, и в частности, на превалировании в восприятии мира общего над частным, современный исследователь Г.Гачев это выражает достаточно оригинально и лаконично, а именно так: «В России первично Целое, а индивиды, Граждане – его функции» [13, с. 212].

Рассматривая взаимосвязь православия и архетипов, составляющих основу национального менталитета, следует отметить, что в России религия отражала «сущность культуры, и одновременно культура строится на основах, зафиксированных в религиозном каноне» [11, с.40.]. В русской истории «онтологическую роль основания традиционной культуры выполняет православие, которое укореняет в душе и в характере народа вневременные идеалы Боголюбия, человеколюбия и правдолюбия» [32, с.35.].

В национальной русской ментальности преобладающими «установками выступают: 1) апология бесконечной терпимости и фатального подчинения кресту; 2) подчинение личной жертвы всеобщему благу; 3) смиренное отношение к произволу, страданию, попранию свобод и прав личности» [32, с.38.].

Русская ментальность отражает на себе евразийское положение России, и, конечно же, несет на себе печать как европейской, так и восточной цивилизаций. Она, будучи противоречивой, вбирает в себя соответствующие укоренившиеся психологические комплексы, а именно комплекс особой исключительности и комплекс некой неполноценности.

Рассматривая роль и значение православия в культурно-историческом развитии России В.К Кантор, пишет о том, что: «Нельзя забывать, что русское православие – это не просто вера, не просто идеология, это образ жизни, привычки, обряды(обрядовость православия позволила ему держаться, когда христианство было в России по сути запрещено); житейски очень сильная вера. И прежде всего потому, что она более, нежели другие христианские конфессии пропитана этническим элементом»[16, с.6.].

Подводя итог, мы должны сказать, что, прежде всего, православие создало и закрепило в национальном менталитете такие архетипы как:

- стремление к абсолюту;
- постоянное освоение все нового и нового пространства на протяжении всей истории государства Российского (создало архетип экспансии);
- освоение новых земель предполагало постоянный поиск, путь, странствие, «это искание «нового царства и лучшего места». Постоянное стремление куда-то « за тридевять земель» [12, с.624] (архетип дороги);
- анархизм и этатизм;
- «страх перед государством на генетическом уровне, добровольное подчинение ему»; [25, с.162].
- смирение;
- жертвенность;
- коммюнитарность;
- убеждение в общей нравственной и религиозной ответственности каждого за всех и всех за каждого(всеединство);
- пассивность и созерцательность;
- душевная простота и благочестие;
- потребность внешнего обнаружения религиозного чувства.
- соборность (понимаемая как восполнение «личности собирательным целым – церковью, обществом, человечеством» [6,с.36];
- архетип святости - кенозис(идеал нравственной чистоты, всепрощения, который в русской традиции представлен «тремя установками житийного канона:1)уходом от страстей и мирской суеты;2)проникновенным отношением к евангельским заповедям Христа;3)стремлением обрести спасение – вечную жизнь силою молитвы и поста»[32, с.39.].
- архетип домостроительства(«связанный с уходом-возвращением, с пустынночеством, становящимся источником соборного спасения и обновления»)[23, с.144];

В заключение данной работы мы должны сказать, что православие несомненно оказало колоссальное воздействие на национальный ментали-

тет, что достаточно точно выразил профессор А.А.Царевский в своей фундаментальной работе «Значение Православия в жизни и исторической судьбе России»(работа была опубликована в 1898г.)¹, где он писал: «Православие облагородило и образовало все лучшие инстинкты русской души,улучшило и возвысило ее духовные качества существенно изменило весь нравственный облик русского человека. На всем поведении и деятельности последнего легла неизгладимая печать Православного христианства: русский человек стал мыслить о всем на свете с точки зрения святой веры и делал всякое дело «по писанному», по церковному; интересы веры стали на первом плане в его сознании, а учение, взгляды, предписания и советы церкви Православной сделались единственно руководственными в его жизни. Религиозность явилась типическим свойством, специальной особенностью русского человека и качества православного христианина – главными национальными чертами русского характера»[36, с.35.].

Русское православие в процессе своей исторической эволюции формировало национально-культурную традицию, предопределило своеобразие культурно-исторического развития России, основополагающие духовные ценности и смыслы, которые нашли свое отражение в национальном менталитете, в архетипах, лежащих в его основании.

Список литературы:

- 1.АлексеевС.С. Собрание сочинений. В десяти томах.[+Справоч. том]. Том 6:Восхождение к праву. М.: Изд-во «Статут». 2010.558с.
- 2.БердяевН.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука. 1990. 224с.
- 3.БердяевН.А.Самопознание(Опытфилософской автобиографии)М.: «Книга». 1991. 446с.
- 4.Бердяев Н. Судьба России: Сочинения. М.:ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио. 1998. 832с.
- 5.Бердяев Н. Русская идея. М.: Эксмо; Спб.: Мидгард. 2005. 832с.
- 6.БрюшинкинВ.Н. Феноменология русской души/Вопросы философии. 2005. №1.С.29-39.
- 7.БулгаковС.Н.Православие:Очерки учения православной церкви. М.:Терра. 1991. 416с.
- 8.Вебер М. Избранное. Образ общества: Пер. с нем. М.: Юрист. 1994.704с.
- 9.ВеберМ.Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения: Пер с нем./Сост., общ.ред. и послесл. Ю.Н.Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс. 1990.808с.
- 10.ВежбицкаяА.Язык.Культура.Познание.М.:Русские словари.1996.416с.
- 11.Вера.Этнос.Нация Религиозный компонент этнического сознания/ред.кол.:М.П.Мчедлов(отв.ред.),Ю.А.Гаврилов, В.В.Горбунов и др. М.:Культурная революция. 2007. 368с.

12. Вышеславцев Б. Русский национальный характер/Русский мир: Сборник. М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica. 2003. 864с.
13. Гачев Г. Ментальности народов мира. М.: Изд-во Эксмо. 2003. 544с.
14. Гердер И.Г. Язык и поэзия/Иоганн Готфрид Гердер Избранные сочинения. Государственное издательство художественной литературы. М.-Л. 1959. 392с.
15. Данилевский Н.Я. Россия и Европа /Сост., послесловие и комментарии С.А. Войгачева. М.: Книга. 1991. 574с.
16. Кантор В.К. Русское православие в имперском контексте: конфликты и противоречия/Вопросы философии. 2003. №7. С. 3-10.
17. Кашапов У.А. «Русская идея» и ее составляющие /Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2006. №4. С.14-19.
18. Кольева А. Политическая мифология: Реализация социального опыта. М.: Логос. 2003. 384с.
19. Летаева Л.А. Русская ментальность и национальный характер в отечественной и зарубежной русистике./Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2006. №2. С.233-239.
20. Лихачев Д.С. О национальном характере русских/ Вопросы философии. 1990. №4. С.3-6.
21. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. М.: Политиздат. 1991. 368с.
22. Новгородцев П.И. Существо русского православного сознания/Новгородцев П.И. Сочинения./Сост. Вступ. статья и прим. М.А. Королева, Н.С. Плотникова. М.: Раритет. 1995. 448с.
23. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Изд-во Эксмо. 2003. 544с.
25. Свистунов М.А. Российская цивилизация и православие: диалектика их взаимоотношений. Дисс. . . . д -ра филос. наук. М. 2005. 348с.
25. Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность/А.В. Сергеева. 5-е изд. М.: Флинта: Наука. 2007. 320с.
26. Сорокин П.А. Социология революции/Питирим Александрович Сорокин; вступ. статья Ю.В. Яковца; предисловие И.Ф. Куроса., И.И. Лукинова., Т.И. Деревянкина; подготовка текста, составление и комментарии В.В. Сапова. М.: Астрель. 2008. 784с.
27. Сулейманов Т.Ф. Православие и политико-правовая традиция/Наука и культура. Материалы VII Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры памяти равноапостольных Кирилла и Мефодия. (24-25 мая 2010г.). Самара. Изд-во СамГУПС. С.116-119.
28. Сулейманов Т.Ф. Религия и мораль: общее и особенное/Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2011. №3. С.5-11.

29. Сулейманов Т.Ф., Кашапов У.А. Идеология православия как неотъемлемый компонент русского консерватизма/Вестник БИСТ (Башкирский институт социальных технологий). 2012. №4(16). С.69-81.

30. Сулейманов Т.Ф., Кашапов У.А. Диалектика взаимоотношений религии и политики/Вестник Уфимского юридического института МВД России . 2011. №4. С.5-13.

31. Сулейманов Т.Ф., Киричок Н.В. Религия и право в системе социальной регуляции/Вестник БИСТ (Башкирский институт социальных технологий) (Ч. I и Ч. II) 2015. № 2. С.154-166.

32. Тихонова Е.П. К опыту герменевтического исследования онтологии русской культуры: православие и вектор национального развития/Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. №2(10). С.35-40.

33. Тойнби А. Дж. Постижение истории: Сборник/Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М.: Айрис-Пресс. 2004. 640с.

34. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика. 1992. 511с.

35. Шнейдер Л.Б., Васильев С.В. Социально-психологические особенности национального менталитета. Учебное пособие. М.- Воронеж: МПСИ-НПО Модэк. 2009. 207с.

36. Царевский А.А. Значение Православия в жизни и исторической судьбе России. Казань. 1898/Электронная библиотека. «Православие и современность/lib.cerkov.ru/preview/1364 Печатается по изданию: Проф. А.А. Царевский Значение Православия в жизни и исторической судьбе России. Казань. 1898. Веб. Центр «Омега». М. 2002. 64с. (дата обращения 21.12.2016г.).

OPTIMIZATION OF LEARNING LEGAL TERMS

Roman Anisimov

Senior teacher

FESS Faculty of economic and social sciences

The Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration

Moscow Russia

The aim of the paper is to show in what way the systemic approach to the study of terminology solves certain teaching-learning problems. Knowledge has a systemic nature. The systemic nature of knowledge is revealed through a system of concepts or phenomena, which, in their turn, are expressed through a system of terms. Thus, the systemic nature of the term is one of its most important properties. It is obvious, then, that links between terms in every terminological system can be different: etymological, morphological, generic, semantic, structural, logical, formal, historical, denotative and many other types of interrelation between the elements of a system do exist. The systemic nature of the term can be viewed from different angles: from the point of view of the expression plane (monolexic/ polylexemic terms), from the point of view of the content plane (e.g. a hierarchical structure of the terminological system, or a genus proximum and differentia specifica principle, monosemantic/ polysemantic terms; key/peripheral terms; abstract/ concrete terms; borrowed/ native terms; metaphor-based terms, etc.) and from the point of view of their functioning (national/ regional/ international). The systemic characteristics of terms that comprise the legal terminological system are numerous, and all of them should be considered in detail if academic success is a desired outcome.

Key words: systemic nature of a term, content/ expression plane of a term, typology, consubstantial terms.

The main idea of this article is to show how academic research can help the teacher in the classroom, how the systemic approach to the study of terminology optimizes the process of learning LSP terms, and namely Legal terms, and to what extent the academic research, carried out by the teacher, can motivate students.

Knowledge has a systemic nature. This systemic nature is revealed through a system of concepts or phenomena, which, in their turn, are expressed through a system of terms. Thus, the systemic nature of the term is one of its most important properties [1]. It follows that every terminology is a system of terms with fixed relationship between them. It is obvious, then, that links between terms in every terminological system can be different. There are etymological, morphological, generic, semantic, structural, logical, formal, historical, denotative and many other types of interrelation between the elements of a system. Thus, for example,

the systemic relations between terms can be expressed through the opposition of abstract/concrete terms; native/borrowed terms; monosemantic/polysemantic terms; monolexic/polylexic terms, through antonymic relations between terminological units and through many others aspects.

However, it deems necessary to begin from the beginning, and, namely with the fundamental principle of the structure of every terminological system - the 'genus proximum at differentia specifica' principle, which means that every terminological system has a hierarchical structure. [1] This principle can be illustrated through the terminological system of Contract Law Terms [5, 6]. For instance, the generic term *CONTRACT* has a number of more specific terms:

TYPE of CONTRACT: unilateral, bilateral, multilateral, tripartite, principal;

TIME: continuing, open-end, executed), executory;

FORM: written, oral/verbal, divisible, entire;

SUBJECT: *sail, mail, output*.

The basic notion of the Contract Law terminological system and, consequently, the key term *CONTRACT* is logically connected with a number of peripheral terms, for example,

Contract law->Contract->breach of contract->breach of promise, breach of warranty, anticipatory breach, total breach, etc.

The term *contract* coins the following derivative terms:

Contract >contractor >general contractor;

subcontractor, independent contractor;

contracting, contractee, contractual, contraction, contractive.[5,6]

In the Contract Law terminological system, other key terms can be singled out: *clause, condition, damage, estoppel, liability*.

The term *liabilities* is a generic term which has corresponding specific terms: *current liabilities* and *long-term liabilities* [2].

Current liabilities are reasonably expected to be liquidated within a year. They usually include payables such as wages, accounts, taxes, and accounts payable, unearned revenue when adjusting entries, portions of long-term bonds to be paid this year, short-term obligations.

Long-term liabilities are reasonably expected not to be liquidated within a year. They usually include issued long-term bonds, notes payables, long-term leases, pension obligations, and long-term product warranties [3].

Moreover, there is another approach to structuring this term into smaller notions. It consists in part-and-whole classification: *notes payable; accounts payable; salaries payable; wages payable; interest payable; accrued expenses payable, etc.*[4].

Each of the abovementioned peripheral/specific terms is logically (part-whole) and semantically connected with the key/generic term *liabilities*.

Another example is the generic term *clause*, which has a number of specific terms based on it, for example:

integration clause/merger clause (UK)/entire agreement clause (USA);

exemption clause/exclusion clause;
acceleration clause;
power of sale clause [5,6].

It should be pointed out that if you study terminology as a system of terms, it is possible to take into account and to attract the attention of students to major regional or diatopic varieties of English, such as *merger clause (UK)/entire agreement clause (USA)* [7,8].

Another point to be made here is as follows: almost every specific term can become generic, if a terminological system develops, as for instance the specific term *exclusion clause* has turned into a generic one: *true exclusion clause; limitation clause; time limitation clause*. [5,6].

Another typological feature of the Language of Law in general and of the terminology of Contract Law in particular, is a great number of consubstantial terms. Consubstantial terms coincide with words of the General language on the expression plane, but differ on the content plane. Thus, for example, the terms *misunderstanding, mistake, frustration, consideration* were borrowed from the general language and have undergone, to a various extent, the process of terminologization.

In the General language, for instance, *frustration* means ‘the feeling of being annoyed or less confident because you cannot achieve what you want’[7].

In Contract Law, *frustration* – unforeseen and/or uncontrollable event which occurs after a written or oral contract is entered into between parties, and makes it impossible for one of the parties to fulfill his/her duties under the contract [6].

Consubstantial terms, borrowed from the General language, undergo the process of terminologization, which can be relatively long. Thus, for example, the word *consideration* appeared in the English language in the 14th century. However, it acquired a terminological meaning and became a term only in the 17th century [10].

The examples show that the definitions given in a specialized dictionary are more complex and sophisticated than those in a dictionary of general English. They are defined by means of other legal terms and give a concrete and precise definition of a certain concept.

Another opposition, which demonstrates the systemic nature of every terminological systems, is the opposition of native/borrowed terms.

One of the characteristics typical of Law terminology in general, is the fact that many of the borrowed Latin terms have not become anglicized and maintain not only their content plane but also their expression plane. The legal system of ancient Rome has had such a strong influence on the legal systems of most western countries

that Latin terms are used by lawyers all over the world:

prima facie - at first sight. A *prima facie* fact is one that seems to be correct, but may subsequently be proved wrong by other evidence.

pro rata - for the rate. Divided in proportion to some existing split. For example, a *pro rata* share issue is offered in proportion to the number of shares each shareholder already has.

pro tanto - for so much. Means to the extent specified, but not more.

pro tempore (pro tem) - for the time being.

quid pro quo - something for something. On the basis of a contract, that each party should offer something to the other.

ex gratia - out of grace. A gift made without any obligation on the part of the giver or any return from the receiver [5,6].

Another specific feature of the Contract Law terminology is the existence of doublets and triplets of terms, defining the same notion, for instance:

null and void, agree and covenant, terms and conditions, disputes and differences, firm and unchangeable, laws and rules, amendments and addenda [5,6].

This phenomenon of synonymy can be accounted for by the fact that the Law of Precedence in Britain was not codified for a long time. This fact resulted in the use of different terms of the same meaning since during the Middle English period the functioning of Latin and French or French and Anglo-Saxon terms was common: *deem and consider, had and received, keep and maintain, pardon and forgive, terms and conditions, covenants and obligations, fit and proper*. Even today, certain synonymic expressions can still be observed in the Contract Law terminology: *to make a contract* (Old English) and *to enter into contract* (Old French) [9,10].

Moreover, the Contract Law terminology contains a large number of acronyms and abbreviations and their full forms, which can be considered synonyms, for example: *f.o.b. (free on board); cif (cost, insurance and freight);*

mou (memorandum of understanding)[5].

Terms can be also studied from the point of view of their expression plane. Thus, they can be classified into unicomponent terms and multicomponent terms. Among unicomponent terms, there are root terms – *contract*; derivative terms – *assignment*; compound terms - *quasi-contract*.

It is possible to single out the recurrent suffixes. Thus, the most frequently used suffixes in the terminology of Contract Law [2,3,4] are the following –*ion, -ment, -tion*:

-ion: *subrogation, legislation, coercion, litigation, prosecution, probation*;

-tion: *intervention, proclamation, sequestration, sollicitation, defamation*;

-ment: *consignment, presentment, abandonment, infringement, indorsement*.

The research has shown that **in the terminological system of Contract Law, for example, the majority of terms (over 52%) are** multicomponent terminological word combinations.

The most productive structural patterns are:

Noun+Noun

separation contract, comfort letters, confidentiality agreement, exclusion clauses.

Adjective+Noun

informal contract, bilateral contract, firm offer, restrictive covenant.

Verb+Noun

to breach contract, to draw up a contract, to conclude a contract.

The models Participle II+Noun (*implied terms, cancelled contract, registered office*) and ing+Noun (*forwarding contract, enabling clause, floating charge*) are also common.

The characteristic feature of the terminological system under analysis is a combination of three or more terms: *sufficient mental capacity, compensation of claims against liabilities.*

The study of the systemic relations of a terminology can be continued and the examples can easily be multiplied. However, the main idea is clear: this is just another angle from which the study of terms can be approached.

A university teacher is both a lecturer and a researcher. Do not hesitate to share the results of your research not only with your colleagues but also with your disciples. First, they will be grateful then interested and motivated, and one day they will become your colleagues.

References

1. Akhmanova, Olga. Dictionary of Linguistic Terms. - Moscow: MSU, 2010
2. Glendon M. A., Gordon M. W., Osakwe C. Comparative legal traditions: text, materials and cases. -West Publishing Co., St. Paul, Minn., 1994.
3. McKendrick E. Contract Law: Text, Cases and Materials. – Oxford University Press, 2012.
4. MacMillan C., Stone R. Elements of the Law of Contract. – University of London, 2012
5. <http://dictionary.law.com>
6. <http://legal-dictionary.thefreedictionary.com>
7. www.oxforddictionaries.com
8. www.merriam-webster.com
9. <http://etymology.enacademic.com>
10. www.etymonline.com

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО КАТАЛОГА МОДЫ)

Буриханова Нигина Башировна
*Преподаватель французского языка
Национального Университета Узбекистана*

Ключевые слова: *письменный перевод, мода, каталог, специальный текст, реалия, термин, цветообозначения.*

В статье рассматривается проблема перевода специальных текстов, в частности перевода французского каталога моды на русский язык. Каталог моды является элементом национальной культуры. Особенности его перевода связаны с переводом реалий, терминов и цветообозначений.

Переводчик – одна из самых востребованных профессий на Земле, особенно в эпоху глобализации мировых экономических процессов, роста товарообмена и международной торговли. Современный профессиональный переводчик должен уметь переводить устно и письменно тексты любой тематики, сложности и стилей, все, начиная от простого объявления, инструкции до сложных научных трактатов, в том числе и каталоги моды.

К ценностным формам проявления эстетических отношений культуры принадлежит феномен Моды. Мода – это существующее в определенный период и общепризнанное на данном этапе отношение к внешним формам культуры: стилю жизни, обычаям, поведению, одежде. Однако при употреблении слова «мода» обычно имеем в виду одежду, поэтому между ними ставится знак равенства. Именно одежда, в отличие от других предметов и форм культуры, универсальна в использовании и легко изменяется. Она является тем объектом, в котором человек непосредственно выражает свое художественное мировоззрение. Идеология «общества потребления» способствует росту ее престижа в обществе, так как одежда лучше всего отвечает требованиям знаковых функций в социальной системе.

Мода прет-а-порте стала настоящей индустрией, ее тиражированием, распространением занимаются журналы и каталоги моды. Ее феномен настолько изменился, что она стала самостоятельным культурным объектом, попав в сферу массовой коммуникации. Наличие ярко осознаваемого коммуникативного начала Моды позволяет ставить вопрос об ее особом дискурсе. Дискурс моды (вестиментарный) – это код отношений между миром и одеждой.

Каталог моды представляет собой сложное дискурсивное и жанровое образование. Это сплетение, взаимодействие трех видов дискурсов моды, рекламы и почты, где главную, доминирующую роль играет дискурс Моды. Рекламный дискурс занимает вторую позицию по значимости и по объему, его предназначение – побудить читателя, потенциального клиента заказать

товар, изделие. Отличие рекламы в каталоге моды заключается в том, что она представляет собой специфический вид рекламной продукции, так называемый прямой маркетинг (*direct marketing*). Рекламуемый в каталоге товар – это реальный, а не виртуальный продукт, его можно заказать и получить в течение определенного времени. В технологическое описание модели, изделия вкраплены рекламные вставки, «литература», по определению редакторов каталога.

Почтовый дискурс выполняет техническую функцию, но без него каталог моды не может существовать, он становится просто журналом моды.

Ввиду интернационализации лексики (терминологии), особенно в области моды, заимствования терминов, проникновения товаров из-за рубежа на рынок, стали привычными в обиходе кардиганы, боди, туники, леггинсы, бриджи, парка, бермуды, ткани: кашемир, флис, акрил, деним, лайкра, микрофибр, полиамид.

Каталог моды выходит в свет на восьми языках, к сожалению, этот факт не учитывается при написании редакторами каталога, он практически рассчитан на французского клиента. Авторы текста каталога моды заранее исходят из того факта, что адресат (читатель, потенциальный клиент, заказчик) знаком с соответствующей терминологией и поймет концептуальную информацию, определит аллюзии. Известно, что текст, переведенный на иной язык, нацелен на иного получателя. Соответственно, переводчик должен учитывать особенно-сти мышления и психологию читателя при выборе соответствующих языковых средств, в этом ему помогут фоновые знания и жизненный опыт – неотъемлемые элементы его переводческой компетенции. Перед переводчиком возникает непростой вопрос о переводимости культурно обусловленных языковых явлений, культуронимах или реалиях вследствие различия языковых картин оригинала и перевода. К реалиям относятся обычно слова, обозначающие разного рода предметы материальной и духовной культуры, свойственные только данному народу. Решение вопроса о выборе определенного переводческого приема зависит от задачи, которая стоит перед переводчиком: сохранить колорит языковой единицы с возможным ущербом для семантики или передать значение реалии (если оно неизвестно), утратив при этом колорит. Будучи частью мирового медиапространства и социокультурным явлением, каталог моды отражает менталитет своей страны. Понимание реалии соответственно основано на знании реального факта действительности, стоящего за словами. Приведем примеры реалий – имен собственных, которые включают в себя географические, этнографические и другие реалии.

Toeffee – сорт английской карамели, светло-коричневый цвет; *couleur Havana* – табачный цвет; *découpe princesse* – подрезные полочки; *col Danton* – воротник апаш; *col Claudine* – отложной воротник; *col Mao* – воротник-стойка; *prince de galles* – костюмная ткань в клетку; *charantaises* – мягкие

домашние тапочки; *derby* – ботинки со шнурками; *vichy* – миткаль, хлопчатобумажная парусина в клетку; *poche italienne* – наклонный подрезной карман; *bleu Nattier* – ярко-синий, как на полотнах французского художника Натье.

Особая роль в каталоге моды отводится цвету, цветообозначениям. Система цветообозначений специфична для каждого конкретного языка, выделение отдельных цветов и оттенков, языковые способы их обозначения отражают особенности языкового мышления данного говорящего коллектива и обусловлены особенностями его социальной и общественной жизни. Специфика каталога моды заключается в том, что порой даже одинаковые оттенки находят разное языковое выражение. Связано это с тем, что названия цвета в каталоге моды выполняют как обычную, так и рекламную функцию. Удачно выбранное слово может оказаться более действенным, чем сам цвет товара или даже его качество. Основное назначение рекламы и состоит в том, чтобы эффектно преподнести товар и побудить покупателя сделать выбор именно в его пользу. Например, такие названия, как *vintage bleu, rouge scandale, ananas, champagne*, обладают неким шармом по сравнению с обычными *bleu, rouge, jaune*. Несомненно, некоторые наименования цвета, использованные в каталоге моды, не употребляются за его пределами, т. е. носят окказиональный характер.

Во французском каталоге моды используются чаще метафорические обозначения цвета: растений (*citron, mauve*), животных (*chamois, souris*), минералов (*rubis, jade*), явлений природы (*horizon, aurore, feu*), различных веществ (*paille, rouille*).

Малейшее изменение интенсивности тона, качество его смешения с другим тоном, создатели каталога моды стремятся отразить в его названии. Как показывает практика, слова, для которых рекламная функция – основная, становятся все более употребительными. Они не называют конкретный цвет, а лишь привлекают внимание. Точный смысл таких слов (т. е. представление о конкретном оттенке) можно получить только благодаря тому, что сам товар помещен рядом в виде качественного полиграфического изображения. Специфика каталога моды заключается в том, что порой даже одинаковые оттенки находят разное языковое выражение.

Сложности перевода цветообозначений в каталоге моды связаны с «географическим» фактором. Франция омывается водами Атлантического, Тихого океанов и Средиземного моря; в ее состав входят заморские департаменты и территории, которые находятся в Индийском и Тихом океанах. У французов возникает естественная потребность в более ясном и точном членении цветового пространства, особенно в передаче оттенков синего цвета.

Bleu baltique – (Балтийское море) – северное, холодное – сероватые, стальные оттенки, цвет сине-серый.

Bleu pacifique – (Тихий океан) – самый глубокий – глубокая, насыщенная синева, густо-зеленый – цвет морской глубины.

Bleu atlantique – (Атлантический океан) – цвет соотносится с окраской водорослей – сине-зеленый.

А также другие оттенки синего цвета:

Bleu nuit – цвет ночи, иссиня-черный, насыщенный, глубокий синий.

Bleu canard – цвет соотносится с оперением этой птицы – сине-зеленый.

Bleu faïence – цвет фарфора – ясный, голубой. Живописные пейзажи, радующие глаз практически круглый год, предлагают взору такое разнообразие зелени, цветов, которые изобилуют всеми оттенками зеленого цвета, что представляется невероятным обозначить одним прилагательным *vert*.

Vert olive – цвет незрелых оливок – оливковый, бледно-зеленый, желтоватый.

Vert forêt – цвет леса – зеленолиственный. *Vert tilleul* – цветущая липа – нежно-зеленый.

Vert pomme – зеленое яблоко – светло-зеленый, нежно-зеленый.

Vert amande – цвет кожицы зеленого незрелого миндаля – бледно-зеленый.

Франция расположена ближе к экватору, соответственно, больше солнца и песчаных пляжей – разнообразие оттенков и нюансов золотого, песочного цвета.

Jaune paille – приглушенный желтый соломенный – светло-желтый.

Jaune soleil – цвет солнца – ярко-насыщенный желтый.

Jaune d'or – золотой желтый – с отливом.

Во французском каталоге моды оттенки цвета даются через предмет: зеленое яблоко, зеленый газон, хвойный лес, при переводе на русский язык используется «вербальная» стратегия: светло-зеленый, ярко-, темно-, бледно-, тускло-зеленый.

В каталоге моды встречаются довольно экспрессивные оттенки, связанные с обозначением цвета: морозный синий, пепел розы, пьяная вишня, жареная корочка, вишневые пенки.

Перевод каталога моды – это счастливая возможность для переводчика обогатить свой словарный запас, соприкоснуться с французской культурой, реалиями и бытом, а также усовершенствовать технику письменного перевода. Трудности возникали в процессе перевода реалий и цветообозначений, подбора соответствий и заполнения этнографических лакун, работы над созданием окка-зионализмов.

Таким образом, перевод специальных текстов требует особой подготовки, глубоких знаний, всесторонней эрудиции переводчика. Выполнить грамотный перевод недостаточно, он должен быть качественным и адекватным, иначе перевод теряет смысл, силу воздействия и свою прагматическую ценность.

Список литературы

1. Косицкая Ф. Л. Речевой жанр через призму этнокультуры // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2012. Вып. 1. С. 149–151.
2. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. М., 2003. 512 с.
3. Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика. Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб., 2001. 288 с.
4. Петроченко Л. А. О формировании словарного запаса учащихся (на материале английского языка) // Научно-педагогическое обозрение Томского гос. пед. ун-та (Pedagogical Review). 2013. Вып. 2. С. 70–75.
5. 3 SUISSES. ТРУА СЮИС. Каталог французской моды на русском языке. 1996–1999. № 1–6.

МОДЕЛЬ РЕАЛИЗАЦИИ МЕТОДОЛОГИИ ВОСХОЖДЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА

Исенбаева Галина Ивановна

доцент, доктор филологических наук, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал Оренбургского государственного университета), г. Орск, профессор кафедры иностранных языков

В докладе вопросы общей теории языка и теории понимания текста рассматриваются с позиций лингвистической гносеологии, которая позволяет изучать процесс понимания как систему целостных познавательных актов в циклах научного познания, образующих единую лингвистическую функциональную структуру «понимание-порождение-репрезентирование знания».

The report deals with the questions of the general theory of language and the theory of text understanding, which are considered on the basis of linguistic epistemology. This allows us to study the process of understanding as a system of holistic cognitive acts in the cycles of scientific knowledge, forming a single linguistic functional structure "understanding-generation-representing-of knowledge».

Ключевые слова: лингвистическая гносеология, понимание как научное познание, теоретический синтез, системный анализ, закон восхождения.

Keywords: linguistic epistemology, understanding as scientific knowledge, theoretical synthesis, system analysis, law of ascent.

Мысль о необходимости создания единой междисциплинарной теории понимания подтверждается большинством специалистов когнитивного общества [3, с. 9]. Но проблема понимания вообще, понимания текста в частности, моделирования понимания исходного текста, производства знания и его объективации и по сегодняшний день продолжают оставаться одними из самых актуальных в научном знании.

Ученые приходят к выводу, что в результате исследования понимания возникло почти столько же моделей и теорий, сколько было исследователей [4]. Ими высказывается мнение о стратегическом характере понимания, о том, что оно не может рассматриваться как процесс, у которого есть какая-то фиксированная структура и который подчиняется определенным правилам [1, с. 162, 204].

Не меньше трудностей возникает и в связи с реализацией семиотического подхода к тексту и пониманию. Например, различно как число единиц, признаваемых авторами в качестве знаков, так и их состав, аспекты их рассмотрения.

Представляется, что основным предназначением семиотики является объединение тех представлений о знаках и знаковых системах, которые выработаны к настоящему времени в философии, психологии, логике, языкознании, инженерии знаний и других дисциплинах. О необходимости интегративного изучения понимания настойчиво говорят, например, французские исследователи - D. Dubois [5], B. Pottier [6], F. Rastier [7] и др.

Тем не менее, представления ученых о круге вопросов, связанных с проблематикой понимания-порождения являются разрозненными, не лишены противоречий и его изучение в лингвистике не увязывается с гносеологическим способом их разрешения, с поиском признаков семиотической системности и рациональности.

В представляемом исследовании осуществлен интегративный подход, в центр которого положены понятия структуры научного познания, теоретического синтеза и системного анализа (СА) в качестве прикладной диалектики. Суть СА составляет организация деятельности на тексте по «задачному» типу – как строго детерминированного законом «восхождения» умственного процесса.

Согласно теории научного познания принцип восхождения требует от субъекта ставить в центр познания представление о целостности, которое призвано руководить познанием от начала и до конца, хотя на всем пути познания представление о целостности будет изменяться, обогащаться, но оно всегда должно быть системным, целостным представлением об объекте.

Лингвист получает возможность постановки целого ряда сложным образом организованного комплекса поли системных задач в рамках основного гносеологического отношения. Его организация требует умственного построения сложной вертикально-горизонтальной структуры познания (понимания), имеющей циклический итеративный характер и обусловленной необходимостью решения последовательностей задач различного типа: стратегических и тактических, эпистемологических и прагматических, логических и онтологических.

Для того чтобы произвести «восхождение», лингвист должен специфицировать методологический способ решения.

Исследованием выявлена единая познавательная линия, определяющая рационализм деятельности. Она получает вид: цель – подцели – оперативные образы (репрезентации) – завершённый целостный образ-проекция (знание).

Системный характер деятельности по пониманию-порождению-представлению знания опосредуется созданием непрерывной цепи ментальных моделей, репрезентирующих полный цикл познания.

Сюда входит модель – цель, предназначение которой – сформулировать объект познания для того, чтобы образовать развитое субъектно-объектное отношение; модель прагматическая или эталон правильных действий, предназначение которой – передавать идею обусловленности деятельности по пониманию закономерностями познавательного отражения.

В цепь моделей входит содержательная модель – инвариант «объекты, атрибуты и связи» и модель – основание, предназначение которой – отражать идею всеобщей системности мира – «вещи, свойства и отношения». Это также модель состава, структуры, формальная модель, модель «жизненный цикл», модель интерпретации, модель категориального и ситуативного обобщения, модель условного подобия.

Вышеназванные предпосылки и смысловые установки способствуют осуществлению цели исследования: не только осуществить деятельность по пониманию (познанию) общим (рациональным) способом восхождения, прибегая для его реализации к методу целесообразных задач, но и формализовать его.

В работе выявлены мысленные модели цели и результата деятельности по пониманию.

Мысленная модель цели деятельности:

- выявить целостный системный объект - семантическую ситуацию СемС (совокупность ситуаций \sum СемС), стоящую за языковым знаком-предложением (или текстом) через посредство частичных семантических компонентов – объектов, их свойств, связей и отношений.

Мысленная модель результата деятельности:

- структура знания как своеобразная предметная область, получающая конфигурацию семантической ситуации (СемС) или совокупности семантических компонентов или ситуаций (\sum СемС).

Системно-семиотический подход, используемый в работе, находит свое выражение в семиотической системе или языке нашей теории языка-научного объекта – его алфавите, синтаксисе, семантике, прагматике, правилах образования «строчек символов». Например, семиотическая модель инварианта текста получает следующий вид:

$$\left\{ (S+V)_1 + [(S+V)_2 + (S+V)_3] + \left[\frac{(S+V)_4}{(S+V)_5} \right] + (S+V)_6 + (S+V)_7 + \left[\frac{(S+V)_8}{(S+V)_9} \right] + \dots n \right\} . ? ! ,$$

где S – подлежащее, V – сказуемое, которое может быть расширено другими членами предложения (O_d – прямое дополнение, O_i – косвенное дополнение, $Circ$ – обстоятельство, C_{attr} – определение).

Семантическая формула приведенной модели строится путем преобразования синтаксической модели в соответствующий предикатно-актантный узел, где S^1 – семантический субъект, Pr – семантический предикат, S^2 – субъект наблюдения, коммуникации и оценки (а также O_d – актант-объект прямой, O_i – актант-объект косвенный, $Circ$ – сирконстант, C_{attr} – квалификатор):

$$S^2 \rightarrow \left\{ (S^1 + Pr)_1 + [(S^1 + Pr)_2 + (S^1 + Pr)_3] + \left[\frac{(S^1 + Pr)_4}{(S^1 + Pr)_5} \right] + (S^1 + Pr)_6 + (S^1 + Pr)_7 + \left[\frac{(S^1 + Pr)_8}{(S^1 + Pr)_9} \right] + \dots n \right\}$$

Действия на пропозициях в этой формуле осуществляются согласно математическим правилам: в круглых, квадратных и затем в фигурных скобках.

Различение класса базового предиката осуществляется согласно шаблонным фреймовым структурам значений действия, процесса, состояния, свойства, отношения [2].

Обнаружена точная постановка обобщенной онтологической задачи понимания, нацеленной на выявление структуры знания, стоящей за предложением и фиксируемой им.

Задача. *Какова система образа – абстрактного объекта-ситуации, изображенного предложением-высказыванием? Т.е. какие гносеологические объекты в последовательности их возникновения до фазы завершения составляют систематику ее форм.*

Дано: простое распространенное предложение, построенное по стандартной модели: ($S + V + O_d + O_i + Circ$).

Требуется: найти систему образа, изображенного предложением-высказыванием, или, формально выражаясь:

$$SemC_{предложения} = \sum = (S^2 \rightarrow (S^1 + Pr + O_d + O_i + Circ)) = ?$$

Что будет правильным результатом решения задачи? – найденная целостная понятийная структура смысла предложения, произведенная на базе многомерного и многоуровневого согласования лексических и грамматических сем (признаков), адекватно соотносимая с реальными предметами, их свойствами и отношениями, ставшими объектом познания и языкового оформления отражающего лица. Формально: ($S^2 \rightarrow (S^1 + Pr)$).

Ход решения и результаты.

1. *Получить образы отдельных гносеологических объектов.*

Планируемый результат понимания знака – отдельные воспроизводящие представления. Этап познания – первичная форма чувственного отражения. *Фаза - зарождение образа.*

1.1. выявить и обосновать знание о синтаксическом уровне организации предложения-знака;

1.1.1. выявить синтаксическую структуру предложения - ($S + V + \dots$);

1.1.2. выявить подлежащее - S ;

1.1.3. выявить сказуемое - = V;

1.1.4. выявить прямое дополнение - = O_d и т. д.

2.1. *Получить образы исходных объектов ситуации (объектов-предметов, объектов-атрибутов, объектов-связей, их взаимодействия).*

Планируемый результат – знание (репрезентации) в форме отдельного признака, совокупности существенных и необходимых признаков или простые понятия. Знание о характере взаимодействия и взаимовлияния простых понятий – воссоздаваемые (воображаемые) исходные объекты, их статические свойства, их связи. Этап познания – переход от чувственного отражения к рациональному. Вторичное чувственное отражение. Развитие отдельных компонентов первичной целостности образа. *Фаза – становление образа.*

2.1.1. выявить и обосновать знание о промежуточном синтактико-семантическом уровне организации знака-предложения;

2.1.2. выявить знание о лексических понятиях в структуре предложения;

2.1.3. выявить знание о логических отношениях между понятиями;

2.1.4. выявить знание об онтологических отношениях между понятиями;

2.1.5. обнажить соотнесение лексических понятий или действие закона семантического согласования по итеративным несубстанциональным семам;

2.1.6. обнажить соотнесение лексических понятий или действие закона семантического согласования по субстанциональным семам;

2.1.7. обнажить соотнесение лексических понятий или действие закона семантического согласования по процессуальным семам;

2.1.8. обнажить результат действия грамматических сем в общем механизме семантической настройки;

2.1.9. построить знание (первичную воображаемую схему) о содержании изображенного и отраженного знаком отрезка действительности (или времени);

2.1.10. сохранить это знание аналоговым (графическим) способом в виде рисунка;

2.1.11. сохранить это знание символическим способом – путем вербализации и т.д.

2.2. *Получить первичный образ 'целостная ситуация в пространстве-времени'.*

Планируемый результат – знание (репрезентации) о главном (целесообразном) участнике ситуации, присваиваемом им общем процессуальном признаке, о других участниках ситуации, о размещении события или ситуации в пространстве-времени, об отражающем лице. Этап познания – развитие первичной целостности образа. *Фаза – становление образа.*

2.2.1. перевести синтаксическое знание (репрезентацию, модель) в семантическую формулу (в формат пропозиции) - = (S + V + ...) → (S¹ + Pr);

2.2.1.1. найти смысловой компонент главного участника ситуации или субъект мысли - = S^1 ;

2.2.1.2. найти смысловой компонент присваиваемого им предикативного признака или предикат – = Pr ;

2.2.1.3. найти в предикативном признаке смысловой компонент актанта-объекта прямого - = O_d ;

2.2.1.4. найти в предикативном признаке смысловой компонент актанта-объекта косвенного - = O_i ;

2.2.1.5. найти в предикативном признаке смысловой компонент сирконстанта - = $Circ$ и т.д.

3. *Получить целостный структурированный образ отраженного и изображенного естественно-языковым способом отрезка действительности.*

Планируемый результат на этапе изучения денотативного подуровня организации знака – огрубленное знание (репрезентация) о локальной картине мира, отраженной и изображенной в предложении. Этап познания – развитие целостности образа в пространственно-временных отношениях. *Фаза – созревание образа.*

Планируемый результат на этапе изучения смыслового подуровня организации знака – познавательное отношение, целостность и единство субъекта и предиката или элементарная клетка знания, т.е. понимания. Этап познания – развитие целостности образа в пространственно-временных отношениях. *Фаза – созревание образа.*

3.1. выявить и обосновать знание о семантическом уровне (денотативном подуровне) организации знака-предложения;

3.1.1. выявить отношение знака к предмету, который этим знаком обозначается;

3.1.2. выявить отношение знака к целостной ситуации внешнего мира;

3.1.3. выявить соотнесенность пропозиции с целостной ситуацией внешнего мира путем выявления согласования на всей длине языковой конструкции по итеративным семам;

3.1.4. выявить общий характер образа субъекта, представленного совокупностью исчисленных признаков;

3.1.5. выявить общий характер образа предиката, представленного совокупностью исчисленных признаков;

3.2. выявить и обосновать знание о семантическом уровне (смысловом подуровне) организации знака-предложения;

3.2.1. выявить отношение знака к смыслу;

3.2.2. выявить предикатно-актантную структуру в ее конкретной реализации;

3.2.3. выявить характер субъекта – = S^1 ;

3.2.4. выявить характер базового предиката – = Pr_b ;

3.2.5. выявить характер суперпредиката – = Pr_s ;

3.2.6. выявить характер квазипредиката – = Pr_q ;

- 3.2.7. выявить характер взаимодействия трех рангов предиката;
- 3.2.8. выявить характер субъекта наблюдения, коммуникации и оценки в семантической ситуации – S^2 ;
- 3.2.9. обнажить целостное горизонтально-вертикальное смысловое соотношение;
- 3.2.10. выявить совокупный смысл (целостный образ ситуации) предложения-знака – $\text{СемС} = \Sigma$.

4. *Получить целостный структурированный образ отраженного и изображенного языковым способом отрезка действительности с включенным в него отношением отражающего лица (автора, субъекта оценки).*

Планируемый конечный результат - элементарная клетка знания, т.е. понимание сущности отношения психического субъекта к изображаемой им вербально ситуации, к ее участникам или другим людям, которые обмениваются знаками. Этап познания – рациональное отражение. *Фаза – завершение образа.*

4. 1. выявить и обосновать знание о прагматическом уровне организации знака-предложения;

4.1.1. выявить отношение психического субъекта или субъекта отражения к изображаемой знаком целостной ситуации или ее участникам – $S^2 \rightarrow =?$;

4.1.2. выявить характер системы объектов оценочной структуры;

4.1.2.1. выявить характер субъекта оценки - $= S^2$;

4.1.2.2. выявить объект оценки

4.1.2.3. выявить точку отсчета;

4.1.2.4. выявить характер оценки.

5. *Проанализировать порожденный совокупный смысл знака с позиции автора $\Sigma = (S^2 \rightarrow (S^1 + Pr)) = ?$*

Планируемый результат – вербально изображенный вычисленный сложный образ-система «субъект оценки строит в своем сознании сообщение об участнике (-ах) внешнего события путем приписывания ему специфицированного процессуального признака», подпадающий под исходное уравнение: $\text{СемС}_{\text{предложения}} = (S^2 \rightarrow (S^1 + Pr + O_d + O_i + Circ)) = \Sigma$.

6. *Получить ответ.*

7. *Проверить точность и адекватность достигнутого теоретического понимания знака по системным параметрам - как множество элементов (форм объекта) вместе с совокупностью отношений между ними или их свойствами.*

Все перечисленные этапы находятся в тесной органической связи между собой и при этом в реальном процессе понимания текста как научного познания могут проводиться не всегда в одной и той же последовательности.

Диалектическая последовательность свойств объекта «ситуация» отражает историю (генезис) становления всего множества его форм (образов);

структуру формы объекта в данный момент времени (репрезентацию); результирующую гносеологическую последовательность свойств объекта; историю мысли об объекте; онтогенетическое развитие объекта.

Применение восхождения как общего рационального способа познания позволяет создать системную модель осознанного лингвистического понимания, основными признаками которого становятся целенаправленность и продуктивность.

Внешняя системность объекта «понимание» обуславливается взаимосвязанностью, структурированностью и подчиненностью составляющих этот единый процесс частей определенной цели.

Его внутренняя системность находит конкретное воплощение в осознании и учете взаимозависимости всех без исключения исходных и порождаемых понятий и категорий текста, репрезентированных языковыми единицами, их формами, категориями и связями.

Таким образом, выявленные цель, структура, состав, содержание, прагматика и т.д. лингвистического отражения в соответствии с закономерностями научного познания не только обуславливают системный характер процесса понимания методом восхождения, но и поддаются общенаучному математизированному способу формализации.

Список литературы

1. Ван Дейк Т. А., В. Кинч. Стратегии понимания связного текста / Т.А. Ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. - 1988. - Вып. 23. - С.153-211.
2. Исенбаева, Г.И. Методология порождения вторичного текста: когнитивный аспект: дисс. д-ра филол. наук / Г.И. Исенбаева. – Челябинск, 2010. – 417 с.
3. Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2004. - № 1. – С. 6-17.
4. Солсо, Р. Л. Когнитивная психология / Р.Л. Солсо. - Москва : Три-вола, 2002.- 600 с.
5. Dubois, D. Théories linguistiques, modèles informatiques, expérimentation psycholinguistique / D. Dubois // Langages . - 1975. - № 40.- С. 30-40.
6. Pottier, B. Sémantique des représentation mentales: Topodynamique cognitive / B. Pottier. - Paris: Hachette, 1995. – 253 с.
7. Rastier, F. Sémantique et intelligence artificielle / Rastier F. - Paris: Larousse, 1987. – 127 с.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

«ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА.

Кравченко Владимир Иосифович

*доктор философских наук, профессор кафедры философии
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения*

POLITICAL CULTURE AS AN INTEGRAL PART OF HUMAN LIFE.

Аннотация.

В статье рассматриваются разные точки зрения относительно философского понимания категории «политическая культура». Актуальным, по мнению автора, является то, что политическая культура как часть общей культуры человека проявляется в процессе жизнедеятельности людей.

Annotation.

The article discusses different views on the philosophical understanding of "political culture" category. Relevance, according to the author, is that the political culture as part of the human culture manifests itself in the process of living.

Ключевые слова.

Политическая культура, общество, человек, коммуникация, , легитимность, политика, власть, роль, знание, государство, общество и др.

Keywords.

Political culture, society, people, communication, legitimacy, politics, power, the role of knowledge, the state, society and others.

Политическая культура — это обширная сфера общей культуры человечества, которая непосредственно связана с политикой. Она выражается в достигнутом уровне, качестве и направленности политического бытия человека, политической жизни общества и, соответственно, в характере политических процессов, политической деятельности людей. Результативностью проявления политической культуры в любом обществе является "политический человек" как субстанция политической реальности, а также качество политической жизни общества.

Само понятие "политическая культура" сравнительно недавно вошло в систему категорий политических и социальных наук. Существенную роль в процессе институционализации данной категории сыграли работы американских политологов Г. Алмонда и С. Вербы, находящихся как бы на пересечении сферы культуры и сферы политики. Человек, согласно теории американских политологов, выступает носителем трех взаимосвязанных типов политической культуры: патриархальной подданнической и активистской. Такое деление политической культуры на три типа, на наш взгляд, весьма условно как по форме проявления, так и по содержанию, поскольку люди

сами творят обстоятельства (в том числе и политические), в такой же мере, в какой обстоятельства творят самих людей и в этом, прежде всего, проявляется «политическая культура» человека. [1.]

Автором понятия «политическая культура», употребляемого в широком, философском смысле, принято считать немецкого философа – просветителя И. Гердера (1744—1803), изучавшего проблемы взаимодействия культуры и политики. Гердер отвергал представление, будто возникновение религии вызвано бессознательными страхами примитивного человека, и выдвинул взамен теорию, согласно которой религия — это одна из первых по времени попыток человека в доступной для него форме объяснить окружающий мир. Таким образом, Гердер связал религию с мифологией и примитивными формами поэзии. Он рассматривал человека как часть природы, а разнообразные формы развития человеческой культуры — как следствие влияния на него естественных условий.

Оппонентом Гердера выступил И. Кант, согласно представлениям которого, человек познающий, в конце концов, освобождается от влияния внешнего мира. Поведение человека определяется тогда только его собственным разумом, когда он следует моральному императиву. Такое утверждение немецкого философа, сегодня является наиболее актуальным, поскольку политическая культура неотделима от уровня и качества жизни человека во всех аспектах её проявления. Она представляет собой комплекс тех элементов и феноменов общественного сознания, которые в значительной мере влияют на формирование, функционирование и совершенствование политических институтов, придают значимость и направление политическому процессу в целом, политической деятельности и поведению широких масс населения.

По мнению польского социолога А. Боднара, к политической культуре следует относить: знание политики, фактов, оценку политических явлений, оценочные суждения, касающихся того, как должна осуществляться власть; эмоциональную сторону политических позиций, например любовь к родине, ненависть к врагам; признание в данном обществе образцов политического поведения, которые определяют, как можно и следует поступать в тех или иных ситуациях. Такое понимание политической культуры, на наш взгляд, весьма актуально для характеристики современных политических деятелей из числа депутатского корпуса, выступления которых ярче всего характеризуют их политическую культуру. [1.]

С точки зрения российского исследователя В. А. Щегорцева, категория "политическая культура" может быть рассмотрена в следующих аспектах:

- как центральный важнейший элемент общей системы культуры;
- как характеристика степени знания, понимания, усвоения и претворения в жизнь массами политики государства;
- как характеристика уровня знания о гражданских правах и свободах, степени их использования;

- как характеристика включенности в политическую жизнь общества и государства;

- как характеристика глубины политической убежденности и сознательности;

- как характеристика степени развитости политических институтов;

- как характеристика существующей политической системы, степени ее демократичности и эффективности». [3. с. 31.]

Политическая культура - это многоаспектное явление, имеющее глубокие исторические и психосоциальные корни. Наряду с рациональными позициями и целевыми действиями в ее рамках существуют феномены, обусловленные нерациональными и, в силу этого, не поддающимися простому причинно-следственному объяснению факторами. Различные элементы политической культуры обладают неодинаковой степенью устойчивости и функциональной значимости и при этом находятся в определенном соподчинении. Имея в виду это обстоятельство, американский социолог У. Розенбаум предлагает выделять компоненты ядра политической культуры, т. е. такие ее элементы и феномены, которые играют основополагающую роль в формировании "политического порядка нации", и рассматривает три основные группы ориентации, которые, вероятно, позволяют получить необходимое представление о политической культуре данного общества. Это ориентации в отношении правительственных структур «ориентации режима»; ориентации в отношении других политических систем «политические идентификации»; ориентации в отношении собственной политической деятельности «политическую компетентность».[4.с.6.] Подобная классификация раскрывает значимость ценностного ряда некоторых компонентов политической культуры. Вместе с тем, американский исследователь не рассматривает все пространство политической культуры, в пределах которого и должны анализироваться ее структурообразующие элементы. Однако, если согласиться с тем, что политика - это только и исключительно политические правила, которые зависят от нормативного отношения к ним, то с исчезновением нормативного отношения к правилам исчезает и вся политика. По крайней мере, она постепенно сокращает свое присутствие в отношениях власти и общества. Происходит деполитизация социальной жизни, сокращение сферы властного вмешательства в нее. Таким образом, мы получаем негативистский тип в трактовке политической культуры, как пишет профессор А.Соловьев.[2.]

С точки зрения «консенсуальной коммуникации» (Ю. Хабермас)[5.] следует признать, что «современная политика постепенно превратилась в вопрос администрирования процессов, которые подрывают статус гражданина» путем включения механизмов критического обсуждения ценностей, т. е. продуцируя культуру. В результате мир политики будет трансформирован и станет таким, каким его хотело бы видеть большинство людей. Хабермас считает, что это осуществимо через консенсуальную коммуника-

цию, способную обеспечить координацию и социализацию действий на основании социокультурных норм, которые граждане готовы были бы разделять и поддерживать. Общезначимость политической культуры в таком случае зиждилась бы на постоянно возобновляемом конвенциональном соглашении всех граждан сообщества по поводу целей и смысла проводимой политики. Нормативное политическое действие становится, таким образом, возможным даже вопреки культурному плюрализму.

Наконец, имеет хождение и набирает популярность, особенно в Европе, конструкционистский подход, занимающий как бы промежуточное положение между субъективизмом и объективизмом. По мнению конструкциониста, политику наделяют смыслами сами мыслящие и чувствующие люди. Но, в отличие от "чистого" субъективиста, конструкциониста интересует выработка "подлинных" смыслов и отказ от смыслов "ложных", воссоздание поля истинных значений между сознанием и предметами. Мы не выводим смыслы из ничего, а как бы конструируем их из наличного материала. Поэтому нужно отличать взгляды, которые соответствуют нашему жизненному опыту, от взглядов, ему противоречащих. Именно первые и составляют культуру.

Такое понимание политической культуры определяется уже чисто феноменологически как нормативное отношение к политике. При этом нормы трактуются иначе чем у объективистов не как поведенческие стандарты, а как стоящие за ними моральные принципы и ценности. Всякий конструкционист согласен, что политическая культура — это социальный конструкт. Но типы (конструкционистского подхода расходятся в вопросе о том, располагает ли агент онтологическим влиянием на политические институты (зависит ли их существование от существования агента). При отрицательном ответе на него мы приходим к реалистическому типу, а при положительном -- к идеалистическому.

Первый из этих типов восходит к трудам Э. Дюркгейма и М. Вебера - автора теории легитимного политического господства. Здесь следует признать, что социокультурные нормы должны отражать не только реальную политическую ситуацию, но и политическая власть, чтобы ей подчинялись, в свою очередь, она должна соответствовать принятым в обществе культурным нормам.

Так, Вебер считал жизнеспособной только власть легитимную, т. е. такую, распоряжения которой выполняются добровольно, с готовностью, а не из страха или утилитарной выгоды. Он условно делил легитимную власть на рационально-законную, традиционную и харизматическую. Одних людей можно убедить или побудить действовать доводами разума, других — призывами к выполнению нравственного долга, третьих - играя на их более или менее возвышенных или низменных чувствах.

Рационально- законная легитимность, по Веберу, основана на вере в законность и на готовности граждан подчиняться правилам, которые фор-

мально корректны и вводятся властными инстанциями с помощью общепринятых процедур. Традиционной легитимности правители добиваются, апеллируя к религиозному массовому сознанию, опираясь на культурные символы и историческую память народа, призывая к выполнению нравственного долга. Харизматическая легитимность, в свою очередь, невозможна без эмоциональной привязанности населения к конкретному лидеру, который воплощает для группы людей некую высокую идею, представляется им образцом исключительной святости или героизма.

Идеалистический тип конструкционистского подхода шире трактует онтологические возможности агента. Здесь принято считать, что соответствующий политический контекст и связанные с ним правила становятся невозможными, если люди отказываются играть отведенную им в рамках контекста политическую роль, которая в соответствии с политическим статусом определяет реальную политическую культуру общества.

Констатируя обретение политикой качественно иных форм организации власти, можно наблюдать, как она делает шаги к последним границам своего исторического существования. Конечно, пройдут еще многие десятилетия, прежде чем замкнется исторический цикл, вызвавший к жизни механизмы политического регулирования социальных конфликтов. Однако происходящие изменения в политике и политической культуре уже свидетельствуют о наступлении новой эпохи в развитии общества, когда политическая культура наравне с экономикой отражает существующую реальность нашего общества.

Литература.

1. Кравченко В.И. Власть и коммуникация: проблемы взаимодействия и развития. Монография.-СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003.-272 с.
 2. Соловьев А. Политический облик постмодернизма. Очевидность явления. // Общественные науки и современность.2001.№5.С.67-71.
 3. Щегорцев В.А. Политическая культура: модели и реальность. М., 1990.231 с.
 4. Rosenbaum W. Political Culture. N.Y.1975.P.6-7.
 5. Habermas J. Citizenship and National Identity // Conditions of Citizenship. London, 1994.P.30 -43.
-